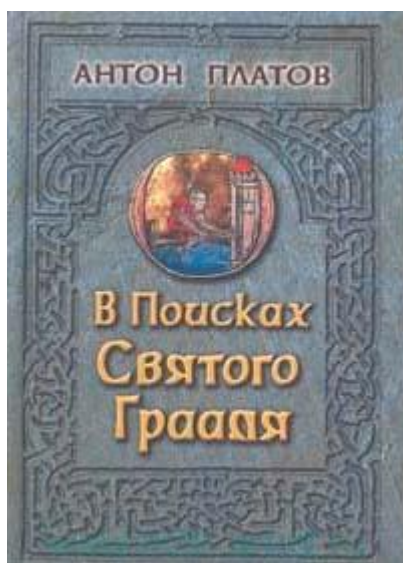

Платов Антон – В поисках святого Грааля. Король Артур и мистерии древних кельтов

Платов Антон Валерьевич (Игтволод)
1999 г.

Книга посвящена разработке легенд о Короле Артуре и Святом Граале - одной из самых загадочных и интригующих областей европейской сакральной традиции. Это первое издание на русском языке, в котором освещаются не только исторический и легендарный пласты артурианских сказаний, но и их истинно древний, магический подтекст. Издание адресовано широкому кругу читателей - от любопытствующих до серьезно изучающих магическую традицию Европы. Структура книги позволяет даже неподготовленному читателю войти в курс дела, и в то же время книга написана на высоком профессиональном уровне и затрагивает такие области, как история дохристианских религий, структура мифа и магического ритуала, психология бессознательного и многие аспекты традиционных магических практик.

Посвящение

Я шёл в мерцаньи, видимом для глаз, В Дивный Край, где я уже бывал. Я достиг каирна двадцати армий, Лабрайда длинноволосого нашёл я там. Я нашёл его сидящим на каирне, Великое множество оружия вокруг него. Прекрасные светлые волосы на его голове Украшены яблоком золотым. И хотя много времени прошло с тех пор, как был я здесь, Он узнал меня по багряной мантии о пяти складках. Спросил он меня: 'Придёшь ли ко мне В дом, где пребывает Файлбе Прекрасный?' У врат, что ведут на Запад, В сторону, где опускается солнце, Табун серых лошадей с пятнистыми гривами И другой табун лошадей, красно-бурых. У врат, что ведут на Восток, Три дерева из багряного стекла. Нежные долгие песни поёт стая птиц с их верхушек Для детей, что живут в королевской твердыне. Есть там Древо у врат цитадели, Благозвучная музыка льётся с его ветвей. Это дерево из серебра, освещённое солнцем, Подобно золоту сверкает оно. Есть там Котёл бодрящего мёда, Те, кто живут в том доме, пьют этот мёд. Никогда не кончается он; и так Котёл навсегда останется полным...

Благодарности

Гриффиду из Монмаута — одному из тех, кто давным-давно понял, что миф важнее истории;

сэру Тимоти Клэйтону — человеку, который поддержал меня, когда это было очень нужно;

сэру Алексу ван Дарт — тому, кто стоит рядом со мной и провоцирует меня, говоря о возможностях прикладной магии;

моим коллегам по Аналитической Группе **Северный Ветер** — людям, которые помогают мне видеть волшебное в современном;

людям из балашихинского клуба 'Великий Кристалл' — это очень много значит, когда кто-то думает о том же, что и ты;

и Гвину сыну Нидда — просто за то, что он есть, и за то, что у него достаточно Силы, чтобы мы могли её видеть...

ПРЕДИСЛОВИЕ

По завершении мною издания многоразличных историй, как рассудительного свойства, так и других [...], а также ещё и некоторых книг, содержащих благие примеры и поучения, многие благородные джентельмены [...] обращались ко мне и вопрошали снова и многожды, отчего не позабочусь я о составлении и напечатании благородной истории о Святом Граале...

Уильям Кэкстон, издатель Англия, 1485 год (Из Предисловия к первому изданию книги сэра Томаса Мэлори 'Смерть Артура')

Карл Густав Юнг неоднократно называл миф о Святом Граале величайшим мифом Средневековья.

Это справедливо — по многим причинам. Одна из них — возможно, важнейшая, — то огромное влияние, которое оказали сказания цикла Грааля и посвящённая им литература на культуру Средних Веков. 'Эта книга изгоняет из покоев государей Библию!' — с негодованием писал в 1568 году секретарь королевы Елизаветы I о 'Смерти Артура' — одной из книг этого круга...

Появившись в Западной Европе ориентировочно в XII веке, литература о Святом Граале разрасталась лавинообразно; уже столетие спустя были созданы десятки связанных с Граалем поэм и рыцарских романов; в конце XV века была опубликована знаменитейшая 'Смерть Артура' сэра Томаса Мэлори... Влияние традиции Грааля и Артура не ограничилось Средневековьем: Новое Время дало новые романы, поэмы, прекрасную музыку Вагнера. В XIX веке началось и бурное развитие исследований о Святом Граале и короле Артуре; литература эта разрасталась, пожалуй, ещё быстрее, чем корпус художественных произведений...

В конце прошлого — начале этого столетий немало исследований на эту тему было проведено и в России (см., напр., работы акад. А.В.Веселовского), однако после революции Святой Грааль оказался, вероятно, не слишком в чести, и публикаций о нём почти не было. Даже знаменитейшая 'Смерть Артура' впервые увидела свет на русском языке лишь в 1974 году. Это эссе призвано хотя бы в некоторой степени ликвидировать существующий пробел; однако, подчеркну сразу, автор подходит к многогранной и сложной теме Святого Грааля не столько как филолог или историк, сколько — как исследователь европейской сакральной Традиции. И в этой связи необходимы некоторые уточнения.

Вероятно, все исследования темы Святого Грааля можно разделить на две большие группы. Во-первых, это исследования сугубо научные, ставящие целью выяснение филологических и исторических условий формирования 'Граалиады'. Во-вторых, это работы авторов, стремящихся раскрыть сакральное содержание темы. Данное эссе принадлежит, несомненно, ко второй группе.

Чем же нас интересуют сказания о Святом Граале, пропитанные, казалось бы, христианским духом, христианскими символами и христианской же мифологией? Действительно, принято полагать, что Грааль — это чаша, в которую была собрана кровь распятого Христа, об этом сообщают нам сохранившиеся средневековые тексты. Большинство современных исследователей-традиционалистов резко отделяют христианство от древней сакральной, религиозно-магической, Традиции Европы. Так почему же многие из них — рано или поздно — отдадут дань теме Святого Грааля?

Я не могу, разумеется, говорить за всех, и потому отвечу на этот вопрос, попытавшись сформулировать то, что заставляет именно меня работать над исследованиями 'Граалиады' и 'Артурианы'. Итак, тому три причины.

Сказания, затрагивающие тему Грааля, короля Артура и его рыцарей, представляют собой смешение трёх компонент: чистой фантастики, легенд о реальных исторических событиях и древней кельтской мифологии. Именно древние мифологические образы и сюжеты, сокрытые здесь, и есть первая причина, по которой мы обращаем своё внимание к сказаниям об Артуре и Граале. Так, пристально всмотревшись, мы можем за образом копья, которым был пронзён распятый Христос, увидеть другое Копьё — Копьё, которое страшнее этого на несколько тысячелетий. Это — копьё индоевропейского бога света и мудрости: священное копьё Гунгнир, принадлежащее скандинавскому Одину, копьё Ассал кельтского Луга, Тришула индуистского Шивы...

Второе. Историческая подоснова этих сказаний соотносится с Британскими островами середины I тысячелетия от Р.Х., т.е. со временем, когда ещё только начинался современный этап деградации сакральной Традиции Европы, — со временем, когда на земле ещё появлялись Истинные Короли, когда ещё жили маги уровня Мерлина или Аполлония Тианского. Записаны сказания этого круга были в основном в XII-XIV веках ('Смерть Артура' — в середине XV века), т.е. во времена, когда обстановка перехода от античности к раннему Средневековью, дух волшебства и истинного рыцарства не были ещё забыты и окончательно утрачены. Таким образом, сколь бы ни были эти сказания насыщены христианскими образами и символами, сам дух их, некие глубинные слои их смысла и содержания должны сохранять многие черты истинной Традиции...

И действительно, в сказаниях этого круга, пусть даже записанных людьми, уже далёкими от Традиции, сохранилось очень многое. Возможно, это огромная удача, что переписчики тех времён уже не понимали смысла многих сюжетов и описаний, сохраняя их просто как дань сказительской традиции: если бы некий монах-переписчик в монастырском скриптории понимал тогда, *что* он пишет, многое, вероятно, не дожило бы до наших дней.. Забегая вперёд, я позволю себе назвать кое-что из того огромного богатства, которое содержат сказания этого круга: реликты кельтских шаманских практик, указания на архаические технологии магических посвящений, варианты древнейших индоевропейских языческих мифов...

И, наконец, третье. Мы можем сколь угодно долго спорить о соотношении христианского и традиционного в сказаниях о Граале, однако, независимо от того, кто мы есть — традиционалисты или христиане, — мы не можем не признать, что миф о поисках Святого Грааля захватил в первой трети текущего тысячелетия умы огромного числа просвещённых людей; более того, этот миф не угас и до сих пор продолжает тревожить наше воображение. Только ли одно воображение?..

...Я позволю себе не говорить много на эту тему — здесь, в предисловии. Просто процитирую К.Г.Юнга:

'Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов..., он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы...'

Антон Платов, Севастополь —

Москва — Вышгород-на-Яхrome,

август-сентябрь 1998 года

ЧАСТЬ I. ГРААЛЬ

Гластонберийская легенда: Иосиф Аримафейский

...Иосиф Аримафейский, тот самый добрый рыцарь,
что снял Господа нашего со святого креста...
Смерть Артура (Грааль, I.10)

Итак, Святой Грааль. Самое это имя (лат. *Gradalis*, старофранц. *Graal*; также *Sangreal*, “Святой Грааль”) восходит, вероятно, к греческому *κρατερ* — так назывались большие сосуды для смешивания воды и вина. Существуют, правда, и другие версии: например, от *Sang Real*, “истинная кровь” (т.е. кровь Христа); или от *Graduale* (церковное песнопение)...

Легенда о Граале появилась в Британии; на рубеже XIX и XX веков происхождение её было предметом больших споров в научной среде. Академик А.Н.Веселовский в опубликованной в 1900 году работе “Где сложилась легенда о Святом Граале?” коротко и чётко сформулировал две основные гипотезы: “Для одних она [легенда о Граале — А.П.] — уэльсская сказочная тема, к которой применились мотивы и имена христианских сказаний; для других она — развитие христианского апокрифа, обставившегося фантастическими подробностями народной уэльсской саги”.

Давайте посмотрим, что же представляет собой легенда о Святом Граале.

Прежде всего нужно отметить, что говоря “легенда о Святом Граале”, мы подразумеваем отнюдь не рыцарские романы о поисках Грааля — это уже совсем другая тема. Здесь же имеется в виду легенда о том, как был обретен Грааль и как он попал в Британию.

В нашем распоряжении, фактически, находится всего три источника. Прежде всего, это упоминание Иосифа Аримафейского у британского хрониста Уильяма Мальмсберийского, работавшего во второй четверти XII века. Уильям, следуя некоей рукописи, повествует о том, как в 63 году от Р.Х. в Британию приходят ученики апостола Филиппа, предводительствуемые Иосифом из Аримафеи, чтобы проповедовать христианство. Там, где во времена Уильяма находилось Гластонберийское аббатство, Иосиф строит первый на британской земле христианский храм, посвященный Богородице.

Разумеется, легенда, приводимая Уильямом — это такая же фикция, как и большинство подобных легенд, творившихся в средневековых монастырях для “удревления” собственной истории. Нам известно, что христианство проникает в Британию не раньше V века, и уж в любом случае нет никаких оснований предполагать, что на территории бенедиктинского монастыря в Гластонбери находился когда-либо христианский храм I века.

Второй источник — рукопись *Grand Saint Graal*, датируемая приблизительно концом XII века. *Grand Saint Graal* излагает интересующую нас легенду гораздо подробнее, и мы приведём здесь краткое её содержание.

Главным героем легенды является всё тот же Иосиф Аримафейский, который выступает здесь как хранитель чаши Тайной Вечери, совершённой в доме Симона Прокажённого, т.е. сосуда, который послужил чашей причастия на первой литургии. В эту чашу Иосиф собирает кровь распятого Христа, после чего принимает крещение от апостола Филиппа. Следуя гласу свыше, Иосиф устраивает для священной чаши (которая и есть чаша Грааля) ковчег. Вместе со своим сыном, которого также зовут Иосиф, он проповедует христианство сначала на востоке, потом попадает в Британию, где строит, как уже было сказано у Уильяма Мальмсберийского, церковь богородицы на месте будущего

Гластонбери. Сын его становится первым епископом, будучи поставлен самим Христом. Грааль хранится на британской земле в роду Иосифа Аримафейского.

Историю, приведённую в *Grand Saint Graal*, повторяет в общих чертах третий источник — роман Робера де Боррона *Joseph d'Arimathie*, написанный в последней трети XII века.

Вернёмся теперь к вопросу, который был поставлен нами в начале этого раздела: каково происхождение этой легенды: восточное, христианское, или западное, языческое, но с элементами христианской символики. Этот вопрос важен, как мы увидим далее, и его решению А.Н.Веселовский посвятил упомянутую выше свою работу. Анализируя множество подробностей, приводимых в источниках, Веселовский приходит к однозначному выводу (с которым соглашается большинство современных учёных): легенда об Иосифе Аримафейском и прибытии Грааля в Британию имеет сугубо христианское происхождение.

Во-первых, легенда об Иосифе известна не только в Британии — существуют, например, её грузинские (и другие восточные) эквиваленты. Во всех вариантах чётко указывается местность, где проповедует Иосиф — это Галилея и сирийский Диосполь — и никаких намёков на Британию.

Во-вторых, Веселовскому удаётся элегантно обнажить совокупность случайных или намеренных искажений географических названий в теле легенды, которые и привели к замене Ближнего Востока на острова бриттов. Сравните, например: *Bethanea* (город Вифания) — в восточных вариантах легенды, но *Britannia* в гластонберийском.

Ну и в-третьих, нельзя не обратить внимание на своеобразный характер появления в Западной Европе текстов, посвящённых Граалю: ни одного упоминания до тридцатых годов XII века и бурный расцвет Граалиады в течение следующего столетия...

Вывод Веселовского: “в основе первой части *Grand Saint Graal* лежит какая-нибудь местная легенда о иудейско-христианской диаспоре в северной Месопотамии, легенда сирийская...” Дата внезапного расцвета Граалиады в Европе практически однозначно указывает и на тот путь, которым легенда попала на Запад, — как раз до середины XII века крестоносцы сохраняли господство в области Эдессы, где они могли познакомиться с легендой, чтобы принести её домой, в Европу...

...С этим выводом сложно спорить. Да и не нужно. Нужно лишь обратить внимание на то, что не было важным для исследования Веселовского: в восточных вариантах легенды об Иосифе Аримафейском... *нет Святого Грааля*.

Священная чаша, обладающая могущественной магией, появляется в этой легенде уже в Британии.

Кельтские мифы: Котёл Перерождения

В Каэр Педрыван, четырежды возвращающийся, Мы пришли за Котлом Аннуна...
Талесин, *Preiddeu Annwfn*, VI век

Так; Святой Грааль, чудодейственная чаша, действительно появляется в этой легенде только в Британии. Разумеется, сами по себе отдельные представления о чаше Тайной Вечери, или о чаше, в которую собирается кровь распятого Христа, — эти представления мы видим повсюду в христианском мире (например, в иконописных изображениях, где кровь Христа принимает в чашу олицетворённая Церковь или ангелы и т.д.). Но в собственно христианских легендах эта тема дальше не развивается, и уж тем более чаша эта нигде в канонических христианских источниках не получает имя Грааля и не становится могущественным предметом Силы...

И здесь мы первый раз сталкиваемся с культурным пластом, на тысячелетия более древним христианской культуры. Магическая Чаша, внедрившаяся в Британию в занесённую крестоносцами легенду об Иосифе Аримафейском, — это Магическая Чаша, или Магический Котел кельтских мифов. “Им владели боги и богини; он был выкраден и выкраден вновь. Сокрытый и найденный, он был центром бриттских мистерий...” — так писал о нём Джон Мэттьюз в своей работе “Традиция Грааля”...

...Тот, кто знаком с морскими путешествиями, знаком и с совершенно особым ощущением, появляющимся, когда судно выходит из стеснённой берегами бухты на кажущийся бесконечным простор открытого моря. Примерно такое же чувство охватывает исследователя, выбравшегося из узкого фьорда гластонберийской легенды на простор кельтской мифологии...

Котёл — и как магический символ, и как реальный физический предмет — действительно играл огромную роль в кельтской сакральной Традиции. Магический котёл упоминается в огромном числе древних кельтских текстов (в том числе — в текстах сакральных); с другой стороны, уже в Новое Время на европейских территориях, некогда занятых кельтами, в ходе археологических изысканий найдены десятки древних ритуальных котлов. Следуя известному закону традиционного мышления (“то, что вверху, как то, что внизу”), кельты переносили мифологический образ Котла в свои мистерии: *Так делали боги, так теперь поступают люди...* Словами Мирче Элиаде, “так как миф рассказывает о деяниях сверхъестественных существ и о проявлении их могущества, он становится моделью для подражания при любом... проявлении человеческой активности”...

Самым известным из кельтских магических котлов является, несомненно, знаменитый котёл из Гундеструпа, найденный в болотах Северной Ютландии в 1891 году и датируемый самое позднее концом II — началом I тысячелетия до Р.Х. Изготовленный из серебра, этот ритуальный сосуд представляет собой великолепный шедевр древнего искусства: его поверхность изукрашена искуснейшей работы рельефами, изображающими мифологические и ритуальные сцены.

Посмотрим, какие мифы связывались у кельтов с Магическим Котлом.

Прежде всего нужно отметить, что кельтская (валлийская — особенно) мифология в собственном смысле этого слова дошла до нас в виде многочисленных, но разрозненных обрывков. Это связано, с одной стороны, с существованием у древних кельтов запрета на запись сакральных текстов (на то есть указания античных авторов), а с другой стороны — с влиянием рано появившегося на Британских островах христианства. Тем не менее, сохранилось многое: и отдельные мифологические тексты, и произведения раннесредневековых кельтских бардов (которые, по сути дела, являлись вместе с тем и магами, и отчасти священнослужителями), и, что не менее ценно, сохранился обширный и многообразный корпус кельтского эпоса и родственных ему древних кельтских волшебных сказок. В отличие от эпоса, например, скандинавского, ирландский и валлийский эпосы во многом мифологичны, т.е. представляют собой художественно обработанный сплав исторических преданий и собственно мифологии. Эти-то элементы мифологии в эпосе и в древних сказках нас сейчас и интересуют.

Мы обратимся к сказаниям, связанным со знаменитым валлийским бардом — Талесином, к которому ещё не раз будем обращаться в этом эссе. Талесин, несомненно, историческое лицо; согласно *Historia Brittonum* (“История Бриттов”) — британской хронике, составленной около 830 года, — Талесин жил и писал в Британии во второй половине VI века, т.е. во времена, непосредственно следующие за королём Артуром; некоторые источники называют Талесина сыном св.Хенуга. Талесину приписывается знаменитая *Llyfr Taliesin* (“Книга Талесина” — с валл.), составленная в XIV веке, но содержащая ряд стихотворных текстов, которые действительно могут принадлежать “перу” Талесина — и среди них две великолепные поэмы: *Cad Goddeu* (валл. “Битва Деревьев”) и *Preiddeu Annwfn* (валл. “Сокровища Аннуна”).

О Талесине рассказывает нам сказочно-эпическое повествование, древнейшие варианты которого существовали уже не позднее в XIV веке. Обычно эта повесть разбивается на две части: “Гвион Бах, или История о Керидвене и волшебных каплях” и собственно “История Талесина”. Вторая часть ближе к собственно эпосу и представляет собой рассказ о юношеских деяниях барда. Зато первая часть гораздо ближе к мифу, к тексту мистериальному.

“История Талесина” начинается с того, что воины Эльфина, сына Гвиддно, короля Керидигиона, вылавливают на морском берегу маленький коракль — кельтскую лодочку, плетёную из ветвей и обтянутую кожей. В коракле находят они мальчика-младенца; когда же доставали его из лодочки, увидел Эльфин сын Гвиддно ярое сияние, облакавшее лоб ребёнка, и потому назвал его *Taliesin*, что означает по-валлийски “Сияющий Лоб”...

“История Гвиона” хронологически предшествует этим событиям и повествует о том, как будущий великий бард оказался в море в маленьком коракле. Манускрипт, которому мы следуем, рассказывает об этом так:

В далёкие дни, когда начал править в Британии король Артур, жил в землях, что зовутся сейчас Пенллин, знатный человек по имени Тэдиг Фоэль. Наследственным владением его были воды, что зовутся Ллин Тэдиг.

И был он женат на женищине по имени Керидвена; она же была волшебница и владела тремя искусствами: магией, чарованием и прорицанием...

Далее мы узнаём, что у чародейки был сын, именем Морвран (валл. *Morwrán*, “Чёрный Ворон”), и был он “угрюм и ужасен видом, как сама тьма”. Понимая, что с его внешностью и характером не сможет сын её войти в общество благородных людей, владык и магов, решила Керидвена сделать его великим бардом: ведь для барда главное — его искусство, а не прочие качества. И можно было превратить любого человека в великого барда с помощью волшебного котла,

...используя силу особых трав и человеческое умение. Вот что нужно было для этого сделать: найти и собрать определённые травы в определённый день и час, опустить их в котёл с водой, и поставить этот котёл на огонь. И должен этот котёл кипеть день и ночь в течении года и одного дня. В последний день выпрыгнуть из котла три капли, хранящие все силы многих трав, и тот, на кого эти капли попадут, станет тотчас искущён во многих искусствах и наполнен духом пророчества. А варево, оставшееся после того в котле, будет самым сильным ядом, какой только может быть на земле. И от силы этого яда закричит и расколется котёл, и прольётся яд на землю...

Два древних мифа слиты воедино в этом сказании. Первый — это индоевропейский миф о Мёде Поэзии, который мы можем встретить, например, и в скандинавской Традиции (*Одрёрир*, досл. “Приводящий-Дух-в-Движение”, священный мёд бога Одина) или в славянской. А второй — это миф о кельтский Магическом Котле, дарующем Силу и Перерождение...

Что же было далее в “Истории Гвиона”?

...И вот Керидвена собрала нужные травы и сложила их в огромный котёл. Когда собиралась она ставить его на огонь, оказался неподалёку старый слепой человек, которого за руку вёл мальчишка. Недолго думая, Керидвена наняла их обоих: слепца — ворочать котёл, а мальчишка — чтобы в течении года и одного дня поддерживать под ним огонь. Сама же она мешала варево в котле и следила за тем, чтобы не выкипела из него вся вода.

Никто не знает, как звали того слепого человека, и кем он был, — да это и не важно. Мальчишка же звали Гвион Бах, что значит “Маленький Гвион”.

Прошёл год, и ни разу за это время не погас под котлом огонь, и ни разу не выкипела из него вся вода. Наконец, наступил последний день, когда три волшебные капли должны были выплеснуться из котла. Привела Керидвена Морврана, своего сына, к котлу и

поставила его у огня, дабы попали на него те капли. Сама же волшебница прилегла в сторонке немножко отдохнуть.

И случилось так, что проспала она долгожданный момент. Выплеснулись из котла три волшебные капли, но упали не на Морверана, а на Гвиона, который нечаянно столкнулся с места сына волшебницы, когда подкладывал в огонь свежие дрова. Котёл громко вскрикнул и раскололся от силы оставшегося в нём страшного яда. Всё варево пролилось на землю, и пропали долгие труды Керидвены.

Проснувшись тогда Керидвена и, увидев, что котёл разбился, обрадовалась, думая, что всё случилось, как она хотела. И принялась она спрашивать о разном своего сына, чтобы проверить, насколько велика стала его мудрость.

Гвион же, как только коснулись его чудесные капли, ощутил в себе что-то необычное. И обнаружил он, что знает обо всём, что здесь произошло: и о том, что за травы варила Керидвена, и о волшебных свойствах попавших на него капель. И о том, что скоро поймёт Керидвена, что к чему, и ужасна будет месть волшебницы за то, что отнял мальчик дар, предназначенный её сыну...

Тогда убежал Гвион прочь от котла; чародейка же, когда поняла, что сын её ничуть не изменился, бросилась за ним в погоню. И догнав, она проглотила мальчика, и, как говорит сказание “девять месяцев носила его в себе”. По истечении этого срока Керидвена родила мальчика “обратно”, но, чувствуя, что не может убить его, положила его в коракль и бросила в море...

Что было дальше, мы уже знаем из “Истории Талесина”.

Главное сакральное содержание “Гвиона, или Истории о волшебных каплях” — это трансформация, *Перерождение*, которое претерпевает мальчик, превратившийся в великого барда в результате “столкновения” с волшебным котлом и его содержимым. Позже мы ещё не раз вернёмся к этой теме, поскольку *Перерождение* (*Второе Рождение*, как в мифах арийского Востока, если угодно) — это основное содержание мифа о Священном Котле. Пока же нам требуется другое — показать связь со Святым Граалем — священная чаша *Grand Saint Graal* также обладает свойством не только исцелять душевные и физические раны, но преобразать человека, её узревшего...

...Упоминания о Котле Перерождения можно обнаружить во многих средневековых кельтских текстах, хотя иногда образ его утрачивает отчасти свою изначальную магию и часть сакрального смысла. Таков, например, Котёл Перерождения в относительно позднем валлийском сказании *Branwen ferch Llŷr* (т.е. “Бранвен дочь Ллира”), входящем в состав “Четырёх Ветвей Мабиноги”, о которых ещё будет речь впереди. Здесь уже не оговаривается, что Котёл преобразает человека; указывается лишь, что если опустить в него мёртвого воина, он оживёт, хотя и будет лишён дара речи. Впрочем, следует отметить, что и здесь всё не так просто: Перерождение, *посвящение* всегда связывается в сакральной Традиции через прохождение состояния смерти. Но это — опять “забегание вперёд”...

Любопытно, что образ Котла Перерождения можно встретить не только у кельтов. Мы видим, например, этот Котёл (точнее — Котлы, в данном случае) у... П.П.Ершова в “Коньке-Горбунке”, написанном по мотивам народных русских сказок:

*Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котёл тот час нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,*

Ни пером не написать...

А завершить этот раздел мне хотелось бы примером, взятым, что называется, “из жизни”.

В Оррисдале (остров Мэн), неподалёку от Кёрк Малев, есть большой округлый холм-курган, из тех, что скрывают обычно захоронения князей и знатных воинов. Согласно местному преданию, этот курган в давние времена был излюбленным местом эльфов: здесь они собирали свои пиры, во время которых пускали по кругу серебряную чашу с колдовским напитком.

Эта волшебная чаша долгое время хранилась в церкви Кёрк Малев, где оказалась она следующим образом.

Однажды ночью — это было во времена не столь уж отдалённые — некий путник проходил этими местами, и дорога его пролегла мимо кургана. И вот со страхом увидел путник эльфов, собравшихся на вершине. Эльфы тоже заметили его и окликнули; Тот человек не смог привиться эльфийским чарам и подошёл к ним, и тогда эльфы предложили ему испить из их чаши. Но путник считал, что достаточно знает об эльфах нехорошего, и взяв чашу, предпочёл потихоньку вылить питье на землю.

Ночь прошла, и эльфы исчезли, а вместе с ними — и всё, что было на их пиру. Осталась лишь серебряная чаша, которую тот человек держал в руках. Так он и встретил рассвет — один, у холма, с волшебной чашей эльфов.

И когда поднялось солнце, отправился он к священнику Кёрк Малев, рассказал ему обо всём, что случилось ночью, и спросил, как поступить с чашей. Ответил ему священник, что лучше всего было бы пожертвовать чашу храму. Так и сделал тот путник, а священник освятил чашу по христианским обрядам. С тех пор чаша хранилась в храме и использовалась иногда местными священниками...

...Однако, волшебство чаши, как говорят местные старожилы, чувствовалось на ней каждым, кто осмеливался её коснуться, и после освящения. А в 1774 году Георг Вальдрон написал в своей “Истории Острова Мэн”: “Свидетельствуют разные люди об одной чаше в Кёрк Малев, будто перестали её использовать, когда заметили, что все выпившие из неё становятся позднее помешанными...”

Неправда ли, снова немножко похоже на Ершова, у которого вослед за Иваном решается испытать силу Котла престарелый и несколько туповатый царь. Помните: “*бух в котёл — и там сварился*”?

Что ж, кесарю — кесарево...

Взыскующие Грааля: Борс, Персиваль и Галахад

И остались там три рыцаря. Только эти трое, и больше — никто.

Смерть Артура (Грааль, V.19)

Вернёмся, однако, в эпоху рыцарства. От легенды об обретении Святого Грааля в Гластонбери перейдём к более широкой и развитой теме — к теме о поисках Грааля. В отличие от гластонберийской легенды, здесь мы имеем целый корпус средневековых авторских произведений, объединённых идеей *Queste*, т.е. странствия-поиска. Несмотря на разнообразие авторов, сюжетов и действующих лиц, большинство этих произведений строится по одной и той же схеме — схеме, подчеркну, архетипической: Святой Грааль сокрыт в некоем замке, недоступном для большинства людей, только самые благородные и чистые духом рыцари могут найти туда путь; не зная дороги, отдавая себя в руки божьи, взыскующие Грааля отправляются в путь в произвольном направлении, надеясь, что провидение приведёт их к Граалю; дорогой проходят они через многие приключения и испытания; наконец, достойные достигают Замка Грааля...

Конечно, основное отличие сказаний о поисках Святого Грааля от гластонберийской легенды — это то, что все они созданы конкретными авторами, пусть и не всегда известными нам. Иначе говоря, романы на тему *Queste del Saint Graal* — художественные произведения. Должны ли мы на этом основании полагать их вымыслом?

По этому поводу я позволю себе процитировать слова В.Герца, довольно известного литературоведа начала нашего столетия: “Средневековый эпический поэт походил к материалу для своих произведений совсем не так, как современные писатели. Не красивая игра фантазии, но истина требовалась прежде всего в те времена, когда не умели ещё отличать историю от сказания. С древнейших времён для народных масс эпическая поэзия была единственным носителем исторической памяти... Как наши дети интересуются красивыми сказками лишь постольку, поскольку они правдивы, так же и для средневекового поэта не могло быть более тяжкого упрёка, чем обвинение во лжи”.

Сравнение, приводимое Герцем, кажется мне весьма точным, хотя и требует некоторого пояснения. Действительно, попробуйте убедить маленького ребёнка в том, что сказка о царевне Лягушке — ложь, и, если вам это удастся, ребёнку станет неинтересно её слушать. Значит ли это, что в других случаях ребёнок реально верит, будто принц может жениться на лягушке из болота, а та, в свою очередь, может превратиться в красавицу? Тоже нет. Просто для ребёнка, пока вы своими объяснениями не привязали сказку к реальности, в которой живёте, действие сказки происходит в некой иной реальности, во “вторичном мире”, как называл её Дж.Р.Р.Толкиен. Точно так же и действие традиционных мифов разворачивается в собственной мифологической реальности, где даже время и пространство имеют другие свойства, — в реальности архетипического, *одним из* проявлений которой является юнговское коллективное бессознательное. Странствие-поиск разыскивающих Грааля происходит в той же реальности, хотя не следует исключать и объективно существующей возможности того, что в основе ряда этих произведений лежат и реальные события...

Мне хочется в этом отношении вспомнить прекрасный рассказ датчанина Хильмара Вульфа “Пока книги не пришли в Норланн”, посвящённый последним бродячим сказителям Севера. Старый сказитель, умирая, напутствует начинающего такими словами: “Можешь даже кое-что и выдумать, но всегда помни, Йонсон, что в твоих рассказах должна быть сама жизнь. И выдумка сойдёт, если только такое *может случиться на самом деле*. Мне уже восемьдесят, я больше тридцати лет живу только тем, что хожу по людям и рассказываю. Часто я рассказываю истории, которые сочинил сам, но никто ещё не назвал старого Халвора лжецом...”

“Рассказчики историй, труверы, бродячие певцы и поэты, которые были способны пересекать все границы, как физические, так и религиозные, сплавляли языческую и христианскую этику с достижениями эпохи рыцарства, с народной культурой, формируя архетипический мир, который жил в воображении людей...” — так пишет об этом Дж.Мэттьюз.

Одно из первых произведений цикла Артура и Грааля было создано французским трубадуром Васом, жившим при дворе английских королей. Написанный им в 1155 стихотворный роман-хроника “Брут”, представлявший собою изложение “Истории Бриттских Королей” Гальфрида, хотя и не содержал ещё упоминания о Граале, но фактически положил начало развитию рыцарского романа в Европе. Далее количество произведений такого рода стало нарастать лавинообразно, и уже к середине XIII века был создан почти весь корпус посвящённых Граалю текстов.

Три автора играли основную роль в формировании канона Грааля: это Робер де Боррон, Кретьен де Труа и Вольфрам фон Эшенбах.

Роберу де Боррон, как мы уже говорили, приписывается самое раннее романическое переложение легенды об Иосифе Аримафейском — имеется в виду его роман *Joseph d'Arimathie*, написанный в последней трети XII века. Ему же приписывается и роман *Didot*

Perceval, повествующий уже о поисках Грааля. Главным героем *Queste*, поиска-странствия, у де Боррона, как и у большинства других авторов того времени, является Персиваль — один из рыцарей короля Артура.

Другой автор — немецкий меннезигер Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 — 1220), чьему перу принадлежит поэма “Парцифаль”, посвящённая тому же герою. Отметим, что в отличие от всех остальных версий, где Грааль представляет собой Чашу или Поднос, у фон Эшенбаха Грааль — это Камень. Фон Эшенбаху принадлежит первая литературная разработка сюжета о Лоэнгрине, рыцаре Лебеда, сыне Парцифалья-Персиваля, развивающая тему Грааля, но уже не содержащая мотива *Queste*.

Самый поздний по времени, как бы обобщающий, рыцарский роман, в котором разворачивается действие легенды о Персивале, — это *Le Conte du Graal* (“История Грааля”) Кретьена де Труа. Роман был начат, когда де Труа был уже знаменит по всей Европе своими произведениями, посвящёнными Артуру и его рыцарям; увы, работа над романом была прервана смертью великолепного трувера (ок. 1280), и “История Грааля” осталась неоконченной. Тем не менее мы приведём здесь её содержание, характерное для лучших произведений этого цикла.

Вдали от людей проходит детство Персиваля, мать которого стремится уберечь сына от зла и опасностей окружающего мира. Юноша вырастает и сильным, и добрым, но не знающим ни оружия, ни убийства. Однако однажды встречает он рыцарей Артура и, подивившись их вооружению и благородству, воспламеняется идеалами рыцарского служения. Не решаясь противиться благородному стремлению сына, мать отпускает юного Персиваля ко двору Артура.

Персиваль переживает множество приключений, и оказывается в конце концов в замке Короля-Рыболова, своего дяди. В замке он встречает таинственную процессию, проносящую через комнату священный сосуд, называемый Граалем. Из вежливости или по неведению Персеваль не решается спросить о значении этих вещей и в результате оказывается изгнанным и скитается по пустыням Дикой Земли. Некто встречный бранит его за нерешительность и рассказывает, что если бы он имел смелость задать вопрос, земля и её король, несущие на себе тяжкие последствия Плачевного Удара были бы исцелены. Тогда Персиваль начинает искать путь в замок...

Многочисленные легенды, сказания и романы, посвящённые Артуру и Граалю, были, в конечном итоге, сведены воедино в монастыре св.Бернарда в Клерво (Франция) — так появилась знаменитая *Vulgata*, к которой апеллировали многие поздние авторы. Та часть этого большого свода, которая посвящена поискам Грааля так и называлась — *Queste del Saint Graal*.

Пользовался “Вульгатой” и автор “Смерти Артура”, самого знаменитого произведения, посвящённого Артуру и поискам Грааля — сэр Томас Мэлори (ок. 1420 — 1471). Книга, написанная им в течение двух лет заключения в Ньюгейтской тюрьме (1468-1470), была напечатана английским издателем Уильямом Кэкстоном лишь спустя четырнадцать лет после его смерти, в 1485 году. И, несмотря на то что “Смерть Артура” — лишь очень поздняя компиляция, многие авторы использовали и используют её для создания своих произведений.

История поисков Грааля передана у Мэлори в наиболее, пожалуй, полном виде — ведь он собрал и объединил под одним переплётом самые разнородные источники. Не вдаваясь сейчас в анализ этих источников, мы очень кратко обрисуем здесь сюжетную линию повествования Мэлори.

Рассказ начинается с того, как в день Пятидесятницы, когда собирались вместе Рыцари Круглого Стола в Камелоте у Артура, объявилась там некая девица и пророчила о Святом Граале. Вслед затем объявился и образ самого священного сосуда, и напитал всех бывших там рыцарей духом святым и лучшими яствами. Но был Грааль убран покровами, и

никто не удостоился лицезреть саму чашу. И когда исчезла она, поднялись рыцари Артура, и все как один дали клятву отправиться на поиски Замка Грааля.

Однако лишь трое из них — лучшие рыцари артуровского королевства — удостоились в конце странствия-поиска узреть Грааль. Первым из них был Персиваль, Племянник Короля-Рыболова, царствующего в Замке Грааля, и внук Увечного Короля, лежащего в страданиях там же. Начало странствий Персиваля мы уже описывали — у Мэлори оно схоже с повествованием де Труа. Вторым достойным рыцарем был Борс, молодой сын короля Борса Ганского. И третьим, самым юным, был Галахад, сын Ланселота Озёрного — Белый Рыцарь, непобедимый в бою силой своей веры.

Итак, Персиваль, побывавший однажды в Замке Грааля, но по неведению своему не спросивший о значении своего видения, ищет дорогу к Замку со своей стороны. Борс, прошедший многие тяжкие испытания, выходит из них с честью, следуя своей дороге. Галахад, непорочный рыцарь, не столько странствует-в-поиске, проходя испытания, сколько напрямую движется к Замку собственной дорогой. Прочие рыцари либо застревают на пол-пути, оказавшись недостаточно достойными, либо просто не находят дороги к Замку.

В конечном итоге все трое встречаются на некоем волшебном корабле, который приносит их к побережью страны Увечного Короля и Короля-Рыболова. Там с новыми приключениями добираются они до Замка Грааля; Чаша Грааля и Священное Копьё являются им, и Галахад исцеляет Увечного Короля, исправляя последствия Плачевного Удара. Явление трём рыцарям Грааля и Копья — это кульминация *Queste*, странствия-поиска, его цель и результат.

Персеваль и Галахад остаются с Господом и Граалем; тела их Борс предаёт погребению и, переживший *Перерождение*, возвращается в Камелот, к Артуру...

...Книга Мэлори хороша тем, что в ней собраны разные сюжеты и мотивы разных авторов и разных легенд. Но этим же и плоха: стремясь свести воедино многое, Мэлори часто теряет *нечто*, которое было свойственно отдельным произведениям. Один из мотивов, ослабленных у Мэлори, но ясно звучащих у фон Эшенбаха и де Труа, — это мотив *Дороги*. Дороги, которую, странствуя, ищут рыцари Артура...

...Не правда ли, нельзя не задуматься над вопросом: а, собственно говоря, Дороги куда? Где он находится, таинственный Замок Чудес, скрывающий Святой Грааль?..

Дорога к Магическому Котлу: Остров Яблок

*И вот чудесная тропа
В холмах зелёной стороны —
То путь в Волшебную Страну,
Мы по нему идти должны...*
Шотландская баллада о Томасе Лермонте

Мотив *Queste*, странствия-поиска, не является, конечно, изобретением труверов и менестрелей XII века. Напротив, он представляет собой очень важную часть европейской сакральной Традиции, определяя содержание многих архаических мифов, преданий и волшебных сказок. *Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что* — основной принцип такого поиска, звучащий и во многих древних текстах, и в древних мистериях.

Для логического мышления современного человека *пойди туда, не знаю куда* — это нонсенс, задача, заведомо не имеющая решения. Но для традиционализма это — указание к действию, парадокс, скрывающий в себе своё решение, или нечто вроде дзен-буддийских *коанов* (“что такое хлопок одной ладонью?”)... Странствие-поиск требует не досконального знания пути, не карт и лоций, но... особого рода магии, позволяющей находить Дорогу, или — сильно (очень сильно!) огрубляя — определённого магического чутья... С этой точки

зрения не только путь к Граалю, но и любое исследование в традиционализме представляет собой *Queste*, странствие-поиск...

Но мы ушли от темы — разговор о той Силе, что позволяет не сбиваться с Дороги, странствуя *туда, не знаю куда*, в поисках *того, не знаю чего*, будет ещё впереди. Пока же вернёмся к Дороге в Замок Грааля.

Итак, мотив странствия-поиска изобретён отнюдь не в XII веке. И так же, как в Средние Века мотив этот связывался со Святым Граалем, тысячелетием раньше кельты связывали его с Магическим Котлом.

Но есть огромная разница между средневековыми и древнекельтскими представлениями и, соответственно, текстами о Граале/Котле. То, что в “развитом” Средневековье было полузабытым, хотя и не очень давним, *прошлым*, в V-VII веках было ещё живым *настоящим*.

Ни Кретьен де Труа, ни Вольфрам фон Эшенбах уже не знали, *где находится Замок Грааля*. А авторы древних кельтских текстов, сохранившихся до наших дней, *знали*, и даже оставили нам указания, где и как искать начало Дороги...

Сказания о поисках Святого Грааля в символической своей сути восходят к кельтским сказаниям о поисках Магического Котла. И здесь мы снова вернёмся к Талесину, а именно — к его поэме *Preiddeu Annwfn*, т.е. “Сокровища Аннуна” или, точнее, — “[Драгоценная] Добыча [принесённая из] Аннуна”.

Тема — не сюжет, а именно тема — поэмы повторяет тему сказаний о поисках Святого Грааля. Ведомый королём Артуром отряд героев путешествует в *Аннун* в поисках Магического Котла, принадлежащего Аравну, королю Аннуна. Проходя последовательно семь уровней, которые охраняются замками (имена которых: *Caer Siddi*, *Caer Rigor*, *Caer Veddwyd*, *Caer Pedryfan*, *Caer Goludd*, *Caer Ochren*), Артур и его люди похищают Котёл и возвращаются с ним во внешний мир.

Сам Талесин так описывает это путешествие:

Прекрасной была тюрьма Гвэйра в Каэр Сиди

Как завещали Пуйлл и Придери;

Никто не был сослан туда до него.

Тяжёлая синяя цепь хранила юность,

И перед грабежом Аннуна печально он пел;

До тех пор, пока, освобождённый, не продолжит он свою песнь.

Три раза всю полноту Придвен мы прошли —

Исключая семерых, никто не вернулся из Каэр Сидди.

В Каэр Педрыван, четырежды вращающийся,

Мы пришли за Котлом Аннуна

С жемчужным гребнем по краю.

Девяти девиц дыханьем был он согрет,

И не будет в нём сварена пища для труса.

Перед вратами Ада были зажжены огни,

Когда мы шли с Артуром, ради прекрасной попытки;

Исключая семерых, никто не вернулся из Каэр Вэددвид...

Итак, Магический Котёл, он же — Святой Грааль, находится в *Аннуне*. Что это за место?

В 1862 году в Великобритании Д.Дж.Родериком было опубликовано принадлежащее перу Йоло Морганнуга собрание валлийских бардовских текстов, озаглавленное “*Barddas*”. Помимо всего прочего, Барддас содержит и знаменитые “Триады Бардов”, где есть строки, касающиеся интересующей нас темы:

Три вещи, необходимые для всего, что живо: рождение в Аннуне, рост в Абреде и полнота на небесах, то есть в круге Гвинвид; ничто не существует вне этих трёх вещей, кроме Бога.

Мы могли бы сказать, что перед нами — кельтский вариант традиционного деления Мироздания на три мира: Нижний (мир мёртвых), Средний (мир людей) и Верхний (мир Богов). Действительно, такая триада миров проявляется во всех европейских языческих Традициях: у славян это Навь, Явь и Правь; у скандинавов — Хель, Мидгард и Асгард. Однако, в кельтской триаде Аннун, Абред и Гвинвид заложено, пожалуй, нечто, несколько иное, и даже несколько большее, не зря же *Barddas* называет элементы этой триады не просто мирами, а *кругами*...

По определению *Barddas*, Абред — круг, “где смерть сильнее жизни, и где всё существующее порождено смертью”. Явь, или Мидгард, т.е. мир, в котором мы живём, мир людей, этому определению вполне отвечает: каждый из нас смертен. Гвинвид, согласно *Barddas*, — круг, “где жизнь сильнее смерти, и где всё существующее порождено жизнью”. Но из этого определения вовсе не следует, что Гвинвид — это мир богов, а Аннун — мир мёртвых. Напротив, мы знаем, что *большая часть* кельтских богов обретается именно в Аннуне...

Три вещи, необходимые для всего, что живо: рождение в Аннуне... Рождение... Не там ли, где происходит рождение, становится возможным и Перерождение?..

Образ Аннуна в кельтской (конкретно — валлийской) Традиции — это очень сложная тема. Аннун — это одновременно и изначальная мировая Бездна, место, где *где смерть сильнее жизни, и где всё существующее порождено смертью*, но где рождается всё живое, и *Иной Мир*, где обретаются боги и где проходит Дорога на чудесный остров западных морей — Аваллон...

Иной Мир — центральный символ кельтской сакральной Традиции, её сердце. Вот куда ведут нас странствие-в-поисках Святого Грааля. Дорогу сюда, в *Иной Мир*, ищет Персеваль, сюда стремятся Борс и Галахад, сюда, наконец, ведут своих людей Артур и Талесин. Потому что именно здесь, в *Ином Мире*, находится Замок, где сокрыт священный Котёл Грааля:

*Есть там Древо у врат цитадели,
Благовзвучная музыка льётся с его ветвей.
Это дерево из серебра, освещённое солнцем,
Подобно золоту сверкает оно.
Есть там Котёл бодрящего мёда,
Те, кто живут в том доме, пьют этот мёд.
Никогда не кончается он; и так
Котёл навсегда останется полным...*

Путешествие в *Иной Мир* в поисках Магического Котла — распространённая тема в кельтской мифологии и фольклоре. Именно такой сюжет имела первоначально сага о Бранвен дочери Ллира, уже упоминавшаяся нами выше. В позднем варианте этого сказания, дошедшем до нас в составе “Мабиногиона”, *Иной Мир* уже заменён на более понятную Ирландию, куда из Британии путешествует за сестрой своей Бранвен и Котлом король Бран Благословенный, сын Ллира. Мы говорим, что Ирландия появилась в этом сказании поздно и, в общем-то, случайно потому, что эта история сохранилась и в двух других версиях.

Первая из них — латинская средневековая рукопись *Navigatio Sancti Brendani* — “Плавание святого Брендана”, которая представляет собой, фактически, приукрашенный фантазией (а может быть — и не только ей) пересказ более ранних текстов, и прежде всего — знаменитой древнеирландской саги “Плавание Брана”. Содержание этой саги я позволю себе кратко изложить на этих страницах.

Двадцать два четверостишия спела женщина неведомых стран, став среди дома Брана сына Фебала, когда его королевский дом был полон королей, и никто не знал, откуда пришла женщина, ибо ворота замка были заперты...

Так начинается древняя ирландская повесть. Женщина, таинственно попавшая в дом Брана, пела ему о прекрасном острове, лежащем в море на закате солнца:

*Есть далёкий-далёкий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей.
Прекрасен бег их по светлым склонам волн.
На четырёх ногах стоит остров...*

*Есть там древнее дерево в цвету,
На котором птицы поют часы.
Славным созвучием голосов
Возвещают они каждый час...
Там неведома горесть и неведом обман
На земле родной, плодоносной.
Нет ни капли горечи, ни капли зла.
Всё — сладкая музыка, нежащая слух...
Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости, —
Вот истинный знак Эмайн.
Не найти ей равного чуда.*

Женщина покинула замок Брана, а на следующий день он, собрав верных людей, пустился в путь по морю, правя на запад, как было сказано в песне, и после ряда приключений добрался до блаженного острова. И там, на острове, пробыл Бран со своими людьми один год, как им казалось.

После того охватила многих из них тоска по родине, и тогда собрались они в обратный путь. И женщина, владычица острова, говорила им, что пожалеют они о своём решении, однако люди Брана не послушали её, и все вместе отправились в путь, в Ирландию, и спустя некое время достигли её берегов, и встретили там людей.

Люди спросили их, кто они, приехавшие с моря. Отвечал Бран:

— Я Бран, сын Фебала.

Тогда те ему сказали:

— Мы не знаем такого человека. Но в наших старинных повестях рассказывается о Плавании Брана.

Нехтан прыгнул из ладьи на берег. Едва коснулся он земли Ирландии, как тотчас обратился в груды праха, как если бы тело его пролежало в земле уже много сотен лет.

После этого Бран поведал всем собравшимся о своих странствиях с самого начала вплоть до этого времени. Затем он простился с ними, и о странствиях его с той поры ничего не известно...

Мы несколько отвлеклись от непосредственно темы поиска Святого Грааля, но это — необходимо. Подробно тема священного острова, лежащего в *Ином Мире*, рассмотрена мной в вышедшей недавно “Дороге на Аваллон”; здесь же я ограничусь тем, что приведу небольшой отрывок из латинской британской рукописи *Gesta Regum Britanniae*, созданной приблизительно в середине XII века и также посвящённой этому острову:

Этот чудесный остров окружён океаном; там нет нужды ни в чём; нет ни воровства, ни врагов, таящихся в засаде. Там не бывает снега; там не бывает засухи летом и морозов зимой, но царит нерушимый мир и гармония, и прекрасное тепло вечной весны. Там много цветов: лилий, роз и фиалок; яблоня там вместе рождает цвет и плод на одной и той же ветви. Юноша и девушка живут там вместе без грязи и стыда.

Старость неведома там; ни нужды, ни болезни — всё там суть радость. Никто там не держит чего-либо только для себя одного...

Мы уже говорили, что святой Грааль внедрился в легенду об Иосифе Аримафейском уже в Британии, а конкретнее — в Гластонбери. Это название — *Glastonbury* — имеет довольно позднее, англо-саксонское происхождение и представляет собой частичную “кальку” с более древнего валлийского имени — *Ynys Vytrin*. Гластонбери означает “Стеклянная крепость” или “Стеклянный Город”, а Инис Витрин — “Остров Стекла”. Холм, на котором находятся ныне руины Гластонберийского аббатства, действительно представляет собой почти остров, частично изолированный от остальной суши болотами, но для нас сейчас важно другое: Инис Витрин, как и Аваллон (др.-кельт. *Abhal-Lon*, “Остров (Холм) Яблок) — это имена волшебного острова в *Ином Мире*...

...И закончу я этот раздел обращением к ещё одному позднесредневековому тексту, посвящённому поискам Грааля — к *Perlesvaus*. Начинается он так:

Латинский текст, из которого эта история была записана на местном языке, был обрётён на Острове Авалон, в святом доме религии...

Здесь имеется в виду, конечно, не тот Аваллон, о котором была речь выше, а собственно Гластонбери. И всё же “официальное” употребление этого языческого имени в отношении христианского монастыря любопытно. Но ещё более любопытно другое.

Сюжет *Perlesvaus* довольно прост и сам по себе нас не очень интересует: герои, путешествуя, посещают Замок Грааля. Однако интересно то, как назван остров, на котором находится Грааль: *Остров Нестареющих Старцев*.

И увидели они внизу высокое дерево с ветвями, растущими широко, и увидели чистейший источник, более прекрасный, нежели доступно человеческому описанию [...] У источника сидели двое людей, чьи волосы и бороды были белее, чем только что выпавший снег, но лица их были юными...

Место святыни: Замок о Четырёх Башнях

В четырёх городах постигали они премудрость и тайные знания [...] Четыре друида были в четырёх городах...

“Битва при Маг Туиред”, древнеирландская сага

Что же находится на том священном Острове, куда приводит Дорога взыскующих Грааля?

Давайте задумаемся, почему в поздних посвящённых Граалю текстах, где Грааль рассматривается уже сугубо как христианская святыня, отсутствует единогласие в отношении количества святынь Грааля и даже в отношении того, что именно они из себя представляют? Иногда это одна Чаша, иногда — Чаша и Копьё, иногда — Камень, иногда — только Копьё... Иногда — у Мэлори, например, — к святыням круга Грааля причисляется ещё и меч, называемый Мечом Давида, — этот меч обретают Галахад, Борс и Персиваль на волшебной барке по пути к Замку. Более того, в ряде текстов мы можем встретить отголоски о равнозначности этих святынь — Копьё не менее священно, чем Чаша, Камень же вообще заменяет её у фон Эшенбаха...

Итак, Чаша, Копьё, Меч и Камень. Четыре святыни Грааля.

На общечеловеческий религиозно-духовный символизм числа четыре указывает, например, К.Г.Юнг в ряде своих работ. М.М.Маковский в своём “Сравнительном словаре” пишет: “Четыре представлялось древним символом силы, мужества, духовного совершенства, целостности универсальности Мироздания (четыре точки света [...], четыре времени года [...])”.

Интересно обратить внимание на то, что Талесин, описывая в *Preiddeu Annwfn* путешествие во главе Артуром в Аннун за Магическим Котлом, характеризует место, где

он хранится, как “замок о четырёх башнях”. Удивительным образом это напоминает описание острова, где хранится Грааль, в саге о Мериадоке: остров тот имел четырёхугольную форму, и в каждом из его углов находилось по замку, а в центре — некий прекрасный чертог.

Это не единственное и не случайное совпадение. Средневековая повесть “История Соны” (*Sone de Nausay*) из круга *Queste del Graal* рассказывает о путешествии героя по имени Сона в сопровождении некоего Алана, называемого “королём Норвегии”, на чудесный сокрытый остров Галосха. На этом острове они находят прекрасный замок с четырьмя башнями по углам и с большим залом в центре. Остров населён монахами, которые владеют двумя чудесными реликвиями: нетленным телом Иосифа Аримафейского и Святым Граалем.

Сам по себе сюжет довольно стандартен для романов о поисках Святого Грааля. Алан, “король Норвегии”, явно символизирует здесь Владыку Иного Мира (сравн.: древн. **nor** — “север” — связывалось с движением вниз, к Нижнему миру). Но нас интересует не это, а сам замок — Замок о Четырёх Башнях...

Здесь сказания позднего граалевского цикла пересекаются с кельтской мифологией. Так, например, четырёхчастный священный остров можем мы видеть в средневековой ирландской саге “Плавание Майль-Дуйна”, где поминается чудесный остров, разделённый на четыре части стенами из разного вещества: золото, серебро, медь и хрусталь, причём каждую четверть занимают соответственно короли, королевны, юноши и девушки.

Но самое для нас важное — это то, что не только четырёхчастный остров, но и четыре сокровища Грааля известны в мифах древних кельтов. Камень, Копьё, Меч, Чаша...

Мы обращаемся здесь древнеирландской саге Битва при Маг Туиред, повествующей о мифологической истории Ирландии, о приходе на ирландскую землю богов из Племян Богини Дану.

На северных островах были Племена Богини Дану и постигали там премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусных людей со всего света.

В четырёх городах постигали они премудрость [...] — Фалиасе и Гориасе, Муриасе и Финдиасе...

Уже здесь встречаем четверичное деление — четыре города, четыре замка, четыре башни... Но — продолжим чтение саги.

...Из Фалиаса принесли они Лиа Фаль, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королём, кому суждено было править Ирландией...

Первая святыня Грааля. Священный Камень. Согласно преданиям, он был установлен в столице Ирландии — Таре, и криком признавал истинного короля. Грааль как Камень описан в “Парцифале” Вольфрама фон Эшенбаха: “Камень чистейшего сорта... называемый *lapsit exillas*...”. Интересно посмотреть что это означает — *lapsit exillas*. Мэттьюз, например, указывает что латынь неточна, и словосочетание, соответственно, не допускает точного перевода. Он предполагает, что фон Эшенбах мог иметь в виду *lapis lapsus ex caelis*, т.е. “камень, упавший с небес” — подразумевая параллель с легендой о камне, выпавшем из короны Несущего Свет, т.е. Люцифера. Другие интерпретаторы идентифицируют вольфрамовский Грааль с *lapis philosophorum*, т.е. философским камнем средневековых алхимиков.

Следуем далее.

...Из Гориаса принесли они копьё, которым владел Луг. Ничто не могло устоять перед ним или перед тем, в чьей руке оно было...

Вторая святыня. Копьё бога магии, чьё имя — Ассал (копьё Луга) или Гунгнир (копьё Одина). В поздних текстах это Копьё становится копьём, которым был пронзён распятый Христос.

...Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уж не мог от него уклониться, и был он воистину неотразим...

Третья святыня — Меч. У Мэлори об этом мече говорит золотая надпись на его ножнах из змеиной кожи: “Кто подымет меня, да будет всех отважнее, если хочет носить меня по праву. Ибо тот, у кого на поясе предназначено мне висеть, не узнает позора поражения...”

...Из Муриаса принесли они котёл Дагда. Не случилось людям уйти от него голодными...

Четвёртая святыня — Магический Котёл, собственно Чаша Грааля. У Мэлори: “Но вот очутилась в зале священная чаша Грааль под белым парчовым покровом, однако никому не дано было видеть её и ту, что её внесла. Только наполнилась зала сладостными ароматами, и перед каждым рыцарем оказались яства и напитки, какие были ему более всего по вкусу...”

...Многими авторами четыре башни Замка Грааля, четыре святыни Ирландии трактуются как прямое указание на четверичность Мироздания, на четыре стороны света, четыре времени года, четыре изначальные стихии. Нельзя не согласиться с этим, вернее — нельзя не принять такой подход. Следует только помнить, что нордическая сакральная Традиция, из коей берёт своё начало вся Граалида, использует несколько более сложную систему изначальных творческих стихий.

Дело в том, Традиция знает не четыре, а *пять* времён года, *пять* сторон света, *пять* стихий.

Пятая нордическая стихия — Лёд, пятая сторона света — Центр, пятый сезон года — особое пограничное время, время Перехода...

...Действительно, если мы обратимся к тем раннесредневековым текстам, что более прочих сохранили в себе архаический сакральный элемент, мы увидим, что число пять — как и число четыре — прямо связывалось с мифологемой Святого Грааля. Из текста “Перлесвауса”:

...В пяти формах являлся Грааль во время священнодействия, но они не были проявлены, чтобы секреты этого таинства не стали бы известны никому, кроме того, кого Бог оделил своей милостью...

Важнейшее свидетельство хранит для нас роман XIII века *Historia Meriadoci* (“История Мериадока”), повествующий о “сакральной географии” Острова Грааля. Четыре замка — говорится в романе — находится по углам Острова, имеющего квадратную форму, и пятый чертог с предивным престолом — в его центре...

...Пять святынь Грааля, пять изначальных стихий, пять чертогов Острова... Здесь не место рассматривать этот вопрос дальше — довольно и того, что уже было сказано. Резюмируя и закрывая эту тему, скажем лишь, что перед нами — изначальная нордическая схема устройства Мира, своего рода “нордическая мандала”. Не след здесь вдаваться в подробности — пусть *ищущий* сам исследует закономерности и внутренние взаимосвязи этой схемы.

И пусть сущность Пятой Святыни — Святыни Центра — останется сокрытой, чтобы секреты этого таинства не стали бы известны никому, кроме того, кого Бог оделил своей милостью...(Perlesvaus)

Дорога к Магическому Котлу: Тропа Мёртвых

*Перед вратами Ада были зажжены огни,
Когда мы шли с Артуром, ради прекрасной попытки;
Исключая семерых, никто не вернулся из Каэр Вэддвид...
Талесин, Preiddeu Annwfn, VI век*

Итак, мы установили, что Замок Грааля находится где-то в *Ином Мире*, возможно — на острове. Теперь же снова обратимся к средневековым текстам о поисках Святого Грааля.

Выше мы упомянули лишь нескольких авторов, создавших наиболее знаменитые романы Грааляды, однако общее количество таких текстов очень велико: это и авторские произведения тех же XII-XIV веков, и анонимные тексты, и вставки в жизнеописаниях и хрониках. Если проанализировать весь корпус этих текстов, можно получить следующую картину.

Как правило Замок, где хранится Грааль, стоит на вершине горы или на острове, окружённый или непроходимым лесом, или потоком бурных вод. Иногда Замок Грааля быстро вращается; тогда войти в него становится ещё труднее, поскольку требуется точно угадывать момент, когда покажется вход. Нередко через воды или болота, окружающие Замок, ведёт узкий мост, на котором странника ожидают различные опасности и испытания. В целом, средневековые описания Замка Грааля характеризуют, во-первых, его труднодоступность, а во-вторых, подчёркивают островной характер того места, где он находится (даже если в тексте нет упоминания об окружающих Замок водах, то обычно говорится хотя бы о “тёмных лесах” вокруг — а это, как мы покажем чуть ниже, почти одно и то же).

Какие выводы можем отсюда сделать? Прежде всего, конечно, бросается в глаза прямая параллель с древней кельтской Традицией: Аваллон, одно из “проявлений” *Иного Мира*, так же представляет собой остров. Во многих средневековых текстах говорится, что Замок Грааля находится на горе, однако, вспомним: в далёкой древности понятия “остров” и “гора” нередко не различались. Во многих архаических языках долгое время и то, и другое вообще обозначалось одним и тем же словом: таковы, например, др.-кельт. основа **lon** (*London* — “Город на холме”, но *Abhallon* — “Остров Яблок”) или др.-сканд. **holm**.

Ко времени Средневековья миф о Граале/Котле во многом утратил сакральную конкретику, столь необходимую нам для анализа, и всё же не перестал быть мифом, т.е. повествованием *архетипическим*, представляющим собой рассказ об архетипах и их взаимодействии. Попробуем рассмотреть общую схему расположения Замка Грааля в поздних источниках с взаимодополняющих точек зрения психоанализа и семантики.

Вода, окружающая Замок — а равно и “тёмный лес” — известные символы человеческого бессознательного, того “океана” архетипов и символов, что лежит *ниже* нашего осознания, первобытной “бездны хаоса”. С другой стороны, и в индоевропейских языках, и в индоевропейских сакральных Традициях и вода, и лес связаны со смертью. М.М.Маковский, говоря об этом, приводит примеры соответствующих смысловых рядов: сравн. др.-англ. **woel** — “вода”, но др.-англ. **wael** — “мертвец”, хет. **uellu** — “загробный мир”, литов. **weles** — “тени мёртвых”. То же самое — в отношении “тёмного леса”: др.-англ. **widu** — “лес”, но **witan** — “уходить, умирать”.

Смерть и бездна бессознательного — вот значение символов тёмного, непроходимого леса и воды, которые должен пересечь ищущий Грааль. В кельтской (валлийской) Традиции это Аннун, предначальная бездна, место, где “смерть сильнее жизни”. Куда же попадает ищущий, сумевший пересечь эту бездну?

К подножию горы или на берег острова. С древнейших времён горы почитались обиталищами богов. Всмотримся в смысловой ряд понятия гора в индоевропейских языках: рус. **гора**, но **гореть**; литов. **kalnas** — “гора”, но древнейшее и.-е. ***kel-** - “горящий”, лат. **caleo** — “пылать”, **calor** — “жар”. Огонь — стихия, противоположная стихии воды, связываемая с божественным началом и в человеке, и в Мире в целом.

Снова мы видим, что путешествие в поисках Грааля проходит в Аннуне, в *Ином Мире*, где бездна смерти соседствует с обителью богов. И Дорога на Остров Блаженства, где стоит Замок Грааля, пересекает реку Мёртвых, разделяющую миры.

Взыскующий Грааля следует дорогой, которую проходят покинувшие наш мир.

Тропой Мёртвых...

Хранитель Пути: Поединок на Мосту Лезвия

— *Какая дорога ведёт туда?* — спросил Кухулин.

— *Через Мост Лезвия*, — ответили они, — и одолеет его лишь тот, кто способен на славные подвиги...

“Сватовство к Эмер”, древнеирландская сага

Теперь настало время обратиться к очень важной теме, которую я сознательно избегал ранее. Речь идёт о Хранителе Магического Котла — о Страже Дороги.

Средневековых романов круга Святого Грааля сохранилось много. В этом наша удача — каждый из них хранит хотя бы частицу древнего знания; нам нужно лишь отличить “зёрна от плевел”, выбрать эти частицы, слить их воедино... Здесь, в этом разделе, я хочу вспомнить ещё один текст о странствии-поиске — роман *Historia Meriadoci* (“История Мериадока”), написанный на латыни в XIII веке.

Герой романа — Мериадок — достигает некоего острова, который в тексте называется *Insula Gundebaldi* — “Островом Гюндебальда”. Остров этот лежит посреди непроходимых болот и связан с землёй лишь узкой мостовой. На острове четыре замка — по одному в каждом углу острова, имеющего квадратную форму, — и прекрасный чертог с садами в центре.

На ведущей к острову мостовой Мериадок встречает хозяина острова — древнего мудреца и чародея Гюндебальда. Мериадоку приходится вступить с ним в бой, в результате которого он побеждает чародея, сбрасывая того в болото с мостовой, и открывает себе путь на остров...

Кто этот чародей, которого нужно победить, следуя в Замок Грааля? Талесин в *Preiddeu Annwfn* говорит об этом прямо — это Владыка Аннуна, *Иного Мира*, и хозяин Магического Котла-Грааля, одно из имён которого — Аравн.

Имя Гюндебальд в *Historia Meriadoci* нередко рассматривается как латинизированное искажение валлийского имени Гвинн. Гвинн, сын Нидда — один из древних могущественных магов Уэльса; во многих сказаниях и сказках он, как и Аравн, выступает как король *Иного Мира*. Отец Гвинна, Нидд — один из общекельтских богов, так же связанный с *Иным Миром*; ирландское его имя — Нуаду, а более раннее, галльское — Ноденс. Согласно древнему общекельтскому мифу, в одном из сражений этот бог потерял руку, и с тех пор часто именуется Одноруким или Серебряноруким.

Какая любопытная параллель! Замок Грааля в поздних рыцарских романах охраняется загадочным Королём-Рыболовом, отец которого — Увечный Король, некогда пострадавший от Плачевного Удара...

Итак, Замок Грааля охраняет Владыка *Иного Мира*. Обратим теперь внимание на то место, где он встречается странствующего.

Ведущий в Замок узкий мост над водами (или узкая тропа в “тёмном лесу”, или мостовая в болоте) — довольно частый символ, сохранённый многими рыцарскими романами. В одном из них мы даже можем найти его имя — *Мост Лезвия*.

Образ Моста Лезвия действительно очень архаичен; так, мы встречаем его — причём под тем же именем — в древних ирландских сагах о Кухулине: там герой переходит этот мост, чтобы попасть на остров, где обретается некая древняя колдунья, владеющая тайнами боевых искусств и обучающая им тех, кто сумеет перейти на остров. В данном случае мы совершенно явно имеем дело с Владычицей *Иного Мира*, родственной нашим Яге и Макоши одновременно.

В поздней, профанической, трактовке имя *Мост Лезвия* означает, что мост этот представляет собой узкий и острый гребень, пройти по которому почти невозможно. Глубинный смысл — иной; он становится виден, если принять во внимание семантическую

параллель лезвие-грань, или лезвие-край — в английском языке, например, эти два понятия до сих пор обозначаются одним и тем же словом — **edge**.

Мост Края, Мост Грани... Мы уже знаем, что от чего он отделяет: наш мир от *Иного*. Или, быть может, наоборот — соединяет?.. Кто знает, что имели в виду древние маги, давая этому мосту над рекой Мёртвых такое название... В любом случае очевидно, что эту Дорогу — Дорогу, ведущую через Мост Лезвия, — они знали.

Вернёмся к Хранителю Пути. Мне доводилось рассматривать этот образ и указывать, что он имеет характер общеиндоевропейский и присутствует в каждой языческой Традиции. У славян это Велес, у скандинавов — Один, у греков — Гермес, у кельтов — то Луг, то Аравн, то Гвинн, то Нидд или Огма. К близкому выводу приходят французский исследователь Ж.Дюмезиль и его ученик, великолепный Мирча Элиаде, давшие этому общеиндоевропейскому богу условное имя Страшного Владыки. Но здесь для нас важнее не сам образ Хранителя, но тот поединок с ним, который приходится выдерживать взыскующим Святого Грааля.

Мифологема этого Поединка-на-Грани многослойна, как и большинство архаических мифологем. Поверхностный слой очевиден: Страж призван не пропустить на Остров случайных людей, или, быть может, задача его — хранить привычный порядок вещей (а прогулка тропой мёртвых до естественной смерти — это явное нарушение привычного порядка). Но чтобы рассмотреть более глубокий смысловой пласт, нам придётся привлечь широкие мифологические параллели.

Прежде всего нужно указать, что мифологема Поединка-на-Грани (как и сам образ Стража) присутствует в любой индоевропейской Традиции. Нередко мифологические сюжеты, раскрывающие данную мифологему, называют даже “центральный мифом индоевропейцев”, подразумевая под этим поединок светлого бога-громовержца (славянский Перун, скандинавский Тор и т.д.) с тёмным хтоническим (подземным) Змеем. Должен, однако, отметить, что *такой* вариант мифа (добрый громовержец против злого Змея) “центральный” и, более того, даже просто распространённым отнюдь не является.

Итак, что из огромного массива индоевропейской мифологии сможем мы привлечь для выявления глубинного смысла Поединка-на-Грани? Прежде всего следует обратить внимание на великолепное древневаллийское сказание “Килух и Олвэн”, входящее в состав знаменитого Мабиногиона.

“Килух и Олвэн”, несомненно, самое красивое из сказаний Мабиногиона, и мы полностью согласны с валлийским исследователем, профессором Кардиффского университета Гвином Джонсом, называвшим её “непревзойдённой и неклассифицируемой”. Записанная в конце XIV века, уже в конце X — начале XI веков она сложилась в том виде, в каком мы её имеем. При этом центральный сюжет сказки оказывается не только значительно древнее её текста, но и древнее самих героев, в ней действующих.

По меньшей мере три чётко дифференцированных пласта можем мы выделить в этой сказке. Самый поздний, относящийся к XI — XIV векам, представляет собой англосаксонские и англо-норманские наслоения. Следующим пластом, если “копать” сказку вглубь, окажется собственно кельтское сказание о событиях времён правления Артура (V — VI века). И, наконец, глубоко в недрах сказки обнаружим мы то, что нас интересует — миф о Поединке-на-Грани.

Сюжет сказания несколько напоминает нам античный миф об Орфее и Эвридике, т.е. сюжет путешествия героя за своей возлюбленной в мир Мёртвых. С другой стороны, сюжет сказания — типичный *Queste*, странствие-поиск. Главный герой, юный королевич Килух, в силу определённых обстоятельств оказывается проклят своей мачехой-колдуньей, причём суть проклятия заключается в том, что изо всех девушек королевич сможет жениться только на прекрасной Олвэн, дочери Ёсбаддадена, Великана-из-Великанов. Воодушевлённый внезапно разгоревшейся любовью к неизвестной девушке, Килух

отправляется сначала ко двору Артура, а затем, заручившись поддержкой верховного короля и его рыцарей — на поиски Олвэн.

Фактически, перед нами фабула позднего рыцарского романа о поисках Святого Грааля — с той лишь разницей, что место Грааля занимает здесь некая прекрасная девушка. Мы также совершенно чётко видим что речь идёт о странствии в *Иной Мир* — на это указывает и определение, даваемое землям Ысбаддадена (лежат они где-то *так далеко*, что никто во всей Британии не слышал о них), и характерное описание Дороги:

После долгих странствий выехали они на широкую равнину без конца и края. И не было в той равнине ни куста, ни деревца; серым было над нею небо, и туман местами покрывал землю. И стоял на равнине огромный замок.

Отправились рыцари к этому замку, но не так-то просто оказалось добраться до него. Скакали они целый день; вот уже скрылся из виду лес, из которого они вышли, и было теперь кругом лишь серое поле, а замок так и оставался где-то далеко впереди.

И второй день изо всех сил скакали они по этой равнине, прищипывая лошадей, но оставался замок всё таким же далёким.

И лишь на третий день приблизились они к замку...

Мы видим, что путь Килуха лежит через широкую пустошь, а пустошь (как и река) — известный мифологический символ границы миров; мы видим туман, часто сопутствующий переходу между мирами (как, например, в ирландской саге о короле Кормаке); и, кроме того, ещё и “деформацию” пространства, также характерную для описаний перехода. Кроме того, и сам Ысбаддаден, хозяин той страны, обладает в этом сказании характерной отличительной чертой Стража *Иного Мира* — это глаз, взгляд которого наделён огромной силой, а веки — такой тяжестью, что ему приходится восклицать: “Поднимите мне веки!”, когда он хочет на что-нибудь посмотреть...

И здесь мы вспоминаем славянского Вия и ирландского Балора.

Ирландский Балор, внук Нета, происходит из племени фоморов, обитателей Иного Мира. Согласно преданию, некогда друиды его отца, одного из владык фоморов, варили во дворе замка некое колдовское зелье, и любопытный Балор, высунувшись из окна, подставил свои глаза под ядовитый пар, что шёл от котла с зельем. После того один его глаз погиб, а второй приобрёл смертоносную силу: девять врагов падали замертво, заглянув в тот глаз. Но веко того глаза стало таким тяжким, что только несколько воинов могли открыть глаз, орудуя продетым сквозь веко копьём. С тех пор в битвах всегда шёл Балора впереди войска фоморов.

Для славянского Вия, как и для Балора, и для Ысбаддадена, тяжкие веки, прикрывающие глаза, являются неременным атрибутом. Взгляд же его, согласно, восточнославянским легендам, испепеляет всё вокруг.

...Нет ребёнка в Подолии, который бы не рассказал вам об этом страшном истребителе, взглядом своим убивавшем человека и превращавшим в пепел целые города. Счастье только, что этот убийственный взгляд закрывали прильнувшие веки и густые брови...

Все три эти образа — Вий, Балор, Ысбаддаден — на порядок более архаичны и описаны гораздо конкретнее смутных указаний поздних рыцарских романов. Вот он, портрет Стража *Иного Мира*: древний старик, иногда огромного роста, с тяжкими, прикрывающими глаза, веками и смертоносным огненным взглядом...

И в каждой Традиции связан с ним мифологический сюжет о Поединке-на-Грани.

У валлийцев это бой между Килухом и Ысбаддаденом за прекрасную Олвэн. У ирландских кельтов — поединок между Лугом и Балором в битве при Маг Туиред. У славян этот сюжет звучит в сказке “Бой на Калиновом Мосту”:

Вот пришёл Иван Быкович да под Калиновый Мост через реку Смородину. Вдруг воды на реке взволновались, орлы на дубах раскричались, — выезжает чудо-юдо Змей

шестиглавый; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, пёс борзой позади оцетинился...

Образ, который встаёт перед нашими глазами, достаточно однозначен — это Мост Лезвия, ведущий в Замок Грааля через реку Мёртвых. *Смородина* — река, разделяющая миры, — в имени своём объединяет обе потенции, свойственные Аннуну, *Иному Миру*, — смерть (древняя основа **mor**) и рождение (древняя основа **rod**)...

Стал Иван Быкович биться со Змеем и победил его. На другу ночь побил он Змея девятиглавого, а на третью — Змея о двенадцати головах...

Только старуху старую, матушку змееву, не одолел Иван. Привела она его в подземелье — к старцу, отцу Змеев. Позвал старик двенадцать воев и говорит им: “Возьмите вилы железные, поднимите мне веки чёрные, ужсо погляжу я, кто сыновей моих погубил”.

И подняли ему веки чёрные, веки тяжкие...

Итак, странствие-поиск приводит ищущего Грааль на ведущий в Замок Чудес Мост Лезвия через реку Мёртвых, и там, на Мосту, встречает он Стража Иного Мира, обладающего огненным смертоносным взглядом. Что происходит дальше?

Ищущий побеждает. Мериадок сбрасывает Гюндебалда в болото, Килух выбивает Ысбаддадену глаз священным копьём, Луг сносит Балору голову. Не следует, вероятно, думать, что исход Поединка-на-Грани заранее предreshён. Нет. Просто по законам жанра о тех, кто проиграл этот бой, незачем складывать песни...

И всё же в тех сказаниях, что рассматриваем мы здесь, взыскующий Грааля побеждает. Мы уже говорили — на внешнем смысловом уровне его победа означает преодоление Силы, закрывающей путь в Замок.

А на внутреннем?..

Продолжение Поединка: Бой с отражением

В ночь перед Идами бык, весь осыпанный звёздами, всходит...

Овидий

Сакральный поединок за право свободы в священном месте — эта *мифологема* ведёт нас к древнейшему прообразу Замка Грааля — к магическому Лабиринту...

Самое слово “лабиринт”, традиционно возводимое к греческому языку, имеет корни, ещё более древние. Слово происходит от минойского “лабрис” — так называли на древнем Крите двулезвийную секиру, символ магической власти и перехода из мира живых в мир мёртвых. Этот символ, вероятно, был широко распространён по всему древнейшему Средиземноморью; так, например, у этрусков встречается иногда изображение Харона, перевозчика душ умерших, с лабрисом в руке. Минойское же *лабиринт* может быть переведено как “святилище лабриса”.

Лабиринт, мрачное подземелье дворца Миноса, владыки Крита, — это место основного действия античного мифа о поединке юноши Тесея с Минотавром. Царь Минос был полновластным правителем острова Крит, сыном самого Зевса и финикийской царевны Европы. От супруги Миноса Пасифаи и подаренного владыке Посейдоном прекрасного быка родилось ужасное чудовище — Минотавр, существо с телом человека и головой быка. Повелением Миноса Минотавр был навсегда поселён в огромный Лабиринт, выстроенный великим мастером Дедалом. Позднее жители Афин навлекли на себя гнев грозного Миноса, казнив его сына Андрогее, и тогда Минос наложил на Афины “налог крови” — семь юношей и семь девушек должны были ежегодно жертвовать афиняне в пищу страшному Минотавру.

“Налог крови” платился Афинами до тех пор, пока юный герой Тесей не решил положить конец кровавому жертвоприношению. Добровольно он отправился на Крит в

Лабиринт Минотавра вместе с очередными юношами и девушками. Нить Ариадны, дочери Миноса, полюбившей прекрасного и сильного юношу, вела его в путанице ходов Лабиринта, а крепость мышц и сила духа, полученная от божественных предков, позволили Тесею выиграть битву со Стражем Лабиринта...

Миф о Тесее отличается от мифов о битве за Замок Грааля лишь одним — мотивом, который движет героем. В остальном мифы полностью совпадают. Действительно, Замок Грааля, лежащий в Ином Мире, за гранью Смерти, — полный аналог Лабиринта, Святилища Лабриса, символа власти над Миром Мёртвых. Лабиринт, говоря вообще, является символом общеиндоевропейским и даже шире. Мы можем, видеть его канонические изображения на многих критских (минойской эпохи) памятниках — рядом с изображениями лабриса; на северных побережьях Европы, где лабиринты тысячелетия назад выкладывали большими валунами и маленькими камешками; на скалах Дагестана и на амулетах кельтской Британии... Повсюду в Европе изображения лабиринта считались не только символами Иного Мира, но — нередко — и вратами в него. Не менее узнаваем и Страж Лабиринта, Минотавр, — это тот же Хранитель Пути, что встречает взыскующего Грааля на Мосту Лезвия...

...Итак, мы встречаем мифологический сюжет о битве за святилище в Ином Мире — пусть с естественными вариациями — на огромных пространствах от Британии до России, и на протяжении огромных промежутков времени от античности до Средневековья. Одно это уже должно заставить нас задуматься о том, что здесь, возможно, скрыто нечто большее, чем локально-кельтский миф о Магическом Котле...

Существование сходных образов и сюжетов в мифологиях самых разных, в том числе и никогда не контактировавших друг с другом народов, было отмечено исследователями ещё в прошлом веке (а возможно — и значительно ранее). Долгое время такого рода параллели между мифологиями объяснялись исходя из позиций так называемой “метеорологической” школы, представители которой рассматривали мифологию лишь как “поэтический способ описания неживой природы”, а языческих богов — как “условную персонификацию метеорологических явлений”. К данной школе принадлежал, например, выдающийся российский собиратель народных сказок и исследователь XIX века А.Н.Афанасьев.

Однако, уже в первой половине следующего, XX-го, столетия “метеорологический” подход столкнулся с целой волной новых воззрений, выдвинутых исследователями, работавшими в сопредельных с мифоведением областях: психологами (К.Г.Юнг и его школа), этнографами и этнопсихологами (В.Я.Пропп, М.Элиаде), историками и т.д. И, несмотря на то, что ряд тезисов, выдвинутых ещё “метеорологической” школой, продолжает нередко использоваться до сих пор, на данный момент мы всё же можем сказать, что сама эта школа своё существование прекратила.

Из всех новых подходов к рассмотрению *мифа*, как явления общечеловеческого характера, наиболее значимым (и наиболее *магичным*) оказался подход доктора Карла Густава Юнга, совершившего, можно сказать, фундаментальный, хотя и не для всех приемлимый, переворот не только в психологии, но и в мифоведении. Мы можем, при желании, не соглашаться с теми или иными аспектами учения юнгианской школы, однако главный сделанный Юнгом вывод вряд ли может быть подвергнут сомнению.

Оставляя в стороне вопрос собственно генезиса мифологических текстов, Юнг смог добиться установления чёткого и однозначного тождества между рядом устойчивых общечеловеческих образов коллективного бессознательного и устойчивых образов мифологии. Эти устойчивые фундаментальные образы, находящие отражение как в зеркале мифологии, так и в зеркале человеческого бессознательного, и были названы Юнгом *архетипами*. Некоторые из них были выявлены Юнгом и его последователями в результате сравнительного анализа сновидений и галлюцинаций (как проявлений бессознательного) с

одной стороны и мифологических текстов — с другой. Из обозначенных юнгианской школой архетипов назовём архетип Духа, архетип Матери, архетип Трикстера (Тени) и т.д.

Два устойчивых образа встречаем мы в рассмотренных выше мифах и сказаниях о Поединке-на-Грани: образ ищущего, того кто вступает на Мост Лезвия, чтобы открыть себе путь в Лабиринт и в Замок Грааля, и образ его Стража. Образы эти архетипичны, и мы без труда можем обнаружить их в работах Юнга и его последователей.

Первый архетип — это архетип Предвечного Младенца, или Божественного Мальчишки.

Даже беглое знакомство со сказочно-мифологической традицией может дать представление о широчайшем распространении сюжета о герое-ребёнке, растущем “не по дням, а по часам”. Мы встречаем этот мотив в сотнях сказок, в эпосе, в фантастических и героических сагах, наконец, — в собственно мифологических текстах. Этот мотив связывается, например, в русских былинах с Волхом (Вольгой) Всеславичем:

*Будет Вольга в полтора часа,
Вольга говорит, как гром гремит:
“Гой еси, сударыня-матушка!
Не пеленай во пелену черевчатую
И не пояси в поясья шелковые.*

*Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
На голову клади злат шелом...*

Гомеровские “Гимны” очень похоже повествуют о Гермесе:

*Муза! Гермеса восславим, рождённого Майей от Зевса!
Благостный вестник богов...*

И далее — о нём же:

*Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел Аполлона...*

Вероятно, продолжать примеры не стоит — их действительно сотни; для нас же сейчас важно не количество примеров, но качество их интерпретации.

Абсолютное большинство современных российских мифо-реставраторов, мифо-трактователей и мифо-реконструкторов склонны видеть в данном мотиве демонстрацию силы и могущества конкретного божества (правда, всегда разного) — мол, если уж *в детстве* он мог совершить такое, то... Таким образом, мотив совершения тех или иных “славных деяний” в детском или даже младенческом возрасте осмысливается как *элемент биографии конкретного бога*. Однако, обратимся к фактам.

Прежде всего нужно отметить, что существуют тексты, в которых образ “могучего младенца” лишён динамики взросления. Это, например, “бродячий” сюжет о Мальчике-с-Пальчик, который отнюдь не собирается вырастать. О том, что этот невзрослеющий могущественный Мальчишка принадлежит древнейшим пластам мифологии, свидетельствует не только широкое распространение его образа: можно также вспомнить финнского чудо-мальчика, участвующего в сотворении Мира, — Сампсу, о котором так говорит вторая руна Калевалы:

Вот выходит муж из моря, богатырь из вод поднялся; не из очень он великих, не из очень также малых: он длиной с мужской был палец, ростом — в меру женской пяди...

...Старый верный Вянамейнен так подумал и размыслил: “Видом он похож на мужа богатырского сложенья, а длиной в один лишь палец, вышиной едва с копыто!” Говорит слова такие, молвит сам такие речи:

“Что ты, право, за мужчина, что за богатырь могучий? Чуть покойника ты краше, чуть погубшего сильнее!”

И сказал морской малютка, так морской герой ответил: “Нет! Я муж на самом деле, богатырь из волн могучих...”

Всё это свидетельствует о том, что образ маленького, но могущественного божественного Мальчика существует отнюдь не как та или иная стадия в биографии некоего бога, но — как вполне самостоятельный его образ. О том же говорит и традиционное почитание в античном мире таких богов как Гермес или Дионис *одновременно в обоих образах*: и как божественных мальчишек, и как бородатых мужей в расцвете сил. Весьма показательной выглядит и та простота, с которой при столкновении германцев с римлянами было принято отождествление германского Водена (Одина) и римского Меркурия (аналога Гермеса) — несмотря на то, что германцами в то время Один почитался в образе зрелого Мужа, владеющего магией и боевыми искусствами, а римляне ещё сохраняли классические представления о Меркурии как о божественном Мальчике.

Этот могущественный бородатый Муж, ассоциирующийся с колоссальной магической силой и духовной мощью, а также — с культом предков, в мифологии образует архетип, парный к архетипу божественного Мальчишки. Мы можем предположить — и даже констатировать! — что эта пара представляет собой две взаимодополняющие ипостаси одного бога. Более того, в мифологических текстах существуют описания перехода, “перетекания” одной ипостаси в другую. Такой переход претерпевает, например, финский Сампса в Калевале после описанной встречи с Вянамейненом:

Но едва сказал он это, взор едва к нему направил, как малютка изменился, обратился в великана! В землю мощью ног упёрся, головою держит тучи; с бородою по колено, волосы висят до пяток...

Два главных действующих лица сказаний о Замке Грааля/Лабиринте — это воплощения двух названных архетипов. Действительно, ищущий — всегда очень молод: юны сэр Борс, сэр Галахад и сэр Персиваль в цикле Грааля, юн и безбород Тесей в античной традиции, почти мальчишкой покидает отцовский замок Килух. И месте с тем все они наделены могуществом, почти божественным: три рыцаря Вульгаты и Мэлори уничтожают полчища неверных, Тесей оказывается способным победить чудовищного Минотавра, Луг вообще наделён магией, едва не превосходящей всю магию Племян Богини Дану...

Не менее прозрачен и второй образ. Страж Лабиринта — древний могущественный маг, сила которого огромна, что и находит отражение его описании как чудовища с огненным смертоносным взглядом (Балор и Вий), или с бычьей головой (Минотавр), или с телом великана (Ысбаддаден).

Но два этих архетипа в сакральной Традиции суть два воплощения *одного и того же бога*. Действительно, Вий-Балор-Ысбаддаден-Минотавр — это один из Владык *Иного мира*; в ирландском варианте он одноглаз, в валлийском — предстаёт перед нами великаном, в славянском варианте волки да вороны сопровождают его детей. Не так уж мало для того, чтобы если не отождествить, то хотя бы сопоставить этого персонажа со скандинавским Одином. Действительно, Один — Отец Павших, князь мира по ту сторону смерти, он одноглаз и служат ему два волка да два ворона. Следующий шаг — Велес, тождество которого с Одином мы обсуждали уже не раз. Здесь мы встречаемся с приятным подтверждением: судя по всему, имена Велеса и Балора восходят к одной и той же древнейшей индоевропейской основе **wel/wal** со значением “имеющий отношение к *Иному миру*”. К этому же ряду богов, принадлежащих по троичному дроблению Ж.Дюмезиля к “богам магии, власти и загробного мира”, принадлежат ещё и Гермес и Меркурий.

Второй божественный персонаж — Иван Быкович-Луг-Килух — также достаточно узнаваем. Луг владеет священным копьём, — указатель достаточно однозначный; Иван Быкович происходит, как свидетельствует отчество, от не совсем человеческих родителей (в ряде вариантов сказки он именуется Иваном Коровьим Сыном) — тоже намёк отнюдь не туманный. Священным копьём (проникшим позднее в христианизированные сказания о святом Граале) в индоевропейской мифологии владеют только боги магии (например, Один). Сыном небесной коровы является Велес. Да и самого Луга ирландские саги прямо

называют *Самилданах* — Господин-Всех-Искусств. А под Искусствами (ирл. **dan**) в древности понимали прежде всего искусства магические...

Вот мы и пришли к тому, без чего не бывает решения, более того — к тому, с чего решение начинается. Мы пришли в тупик.

В битве на Мосту Лезвия бог магии выступает против бога магии, Один против Одина, Велес против Велеса, Луг против Луга...

Котёл Аннуна: Перерождение в Смерти

Так как миф рассказывает о деяниях сверхъестественных существ и о проявлении их могущества, он становится моделью для подражания при любом [...] проявлении человеческой активности.

Мирча Элиаде

Теперь я позволю себе немного отвлечься, чтобы подойти к тому же самому совсем с другой — может быть, неожиданной — стороны.

Наша жизнь — хотим мы того или нет — представляет собой цепь посвящений (инициаций). Это так, даже если мы не отдаём себе в этом отчёт, и не замечаем самого момента инициации, перехода в некое новое качество, в новое состояние. Первая драка, первая любовь, первый опыт столкновения с магией — эти примеры поверхностны и банальны, но показательны.

В древнем мире, когда сакральная Традиция контролировала многие области человеческой жизни, инициации совершались осознанно. Знания об инициациях древних во многом утеряны для нас; лишь некоторая их часть может быть реставрирована по косвенным свидетельствам и данным, ещё меньшая — сохранилась в живой традиции.

Совершенно неслучайно в данном выше простеньком определении посвящения использовано слово *переход* — “переход в новое состояние”. Этим же словом мы обозначаем и широко распространённые в мифологии и сказочной традиции индоевропейцев путешествия в Волшебную Страну, за грань привычного, *нашего*, мира. Действительно, Переходы между мирами и настоящие посвящения во многом похожи друг на друга — прошедший грань между мирами и прошедший посвящение вступают в иную, доселе незнакомую им реальность... В посвящениях магических это родство проявляется, пожалуй, наиболее явно.

Чтобы пришло новое, старое должно уйти, освободить занимаемое место. Человек, каким он был до инициации, должен умереть, чтобы родился новый человек — вот один из формальных принципов посвящения, как его видели древние. Впрочем, этот же принцип мы можем видеть и в посвящениях современных обществ, находящихся на архаической (“дикарской”) стадии развития — у некоторых изолированных от “цивилизованного” мира племён Австралии, Африки и обоих Америк. Мирча Элиаде так писал об этом: “Повсюду мы встречаемся с таинствами инициации, и повсюду, даже в самых архаических обществах, они включают символизм смерти и нового рождения”.

Этот символизм смерти может быть по-разному выражен в конкретных инициатических ритуалах; одним из наиболее показательных вариантов является, вероятно, пожирание посвящаемого чудовищем. Мы встречаем этот сюжет в мифологии: библейского Иону поглощает огромная рыба; финского Вяйнямейнена, согласно некоторым вариантам Калевалы, проглатывает во время его путешествия мир мёртвых дочь Туони Владыки Иного Мира; наконец, маленького Гвиона проглатывает чародейка Керидвена в цикле сказаний, посвящённых Талесину... И в то же время этот же мотив видит мы и в реальных инициатических обрядах многих племён. “В некоторых регионах обряды инициации при наступлении половой зрелости включают вхождение в фигуру, напоминающую водное животное (крокодила, кита или большую рыбу). [...] Так, например, у папуасов Новой

Гвинеи из рафии изготавливается чудовищное создание, называемое *Kaietuni*, которое хранится в доме мужчин. Во время инициации ребёнка помещают в живот чудовища. [...] В других регионах знают лишь, что неофитов заглатывает чудовище, но ритуальное вхождение в его чрево больше не практикуется”.

Такое совпадение мифологических сюжетов и сюжетов обрядовых показано многими исследователями на огромном фактическом материале. Простейшим, вероятно, примером ритуального действия, представляющего собой повторение мифа, могут послужить обряды, связанные со строительством дома. Так, общеиндоевропейский характер имеет миф о сотворении мира из тела некоего изначального божества-великана (инд. Пуруша, сканд. Имир и т.д.). Хотя бы упоминания об этом сохраняются практически во всех священных текстах. Скандинавская Старшая Эдда говорит об этом так:

*Имира плоть стала землёй,
стали кости горами,
небом стал череп
холодного турса,
а кровь его морем.
(Речи Вафтруднира, 21)
Русская Голубиная Книга:
От чего зачался наш белой свет?
От чего зачалось солнце праведно?
От чего зачался светел месяц?...*

*...А и белой свет — от лица Божья,
Солнце праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Тёмная ночь — от затылочка...*

Поскольку дом, жилище в архаичной традиционной культуре воспринимался как храм, как *imago mundi*, образ Мироздания, то и сам процесс строительства дома должен, по логике носителя традиции, воспроизводить процесс сотворения Мира. Именно как повторение, “проигрывание” космогонического мифа и существовали обряды кровавых или символических жертвоприношений при закладке жилищ и храмов.

На принципе повторения мифа при магическом (ритуальном) действии и базируется второй (после связи с бессознательным) аспект взаимоотношения магии и мифа. “Обряд составляет как бы инсценировку мифа, а миф выступает как объяснение или обоснование обряда”.

Уже в середине прошлого столетия этот факт признавался абсолютным большинством исследователей, независимо от их принадлежности той или иной школе мифоведения. Однако, оставался открытым вопрос, который казался тогда принципиальным, — вопрос о том, что же было первичным в этой взаимосвязи: возник ли миф как объяснение сложившегося ранее обряда, или же, напротив, обряд появился как ритуальная инсценировка мифа? Последнего мнения придерживалось большинство ранних исследователей (Афанасьев, Гримм и т.д.), затем на первый план выдвинулась противоположная точка зрения, потом, наконец, возникло мнение, что всё, быть может, гораздо сложнее...

Исследованию отражения древних обрядов в околomифологических текстах (волшебных сказках, например) посвящены работы выдающегося российского учёного В.Я.Проппа, внёсшего значительный вклад в наше понимание данного вопроса. В 1928 году В.Я.Пропп опубликовал в небольшую, но содержательную монографию “Морфология сказки”, положив тем самым начало структурной фольклористике; около двух десятилетий

спустя им был издан фундаментальный труд “Исторические корни волшебной сказки”, ставший основой принципиально нового подхода к околوميфологическим текстам, — подхода, в рамках которого такие тексты рассматриваются как отражение древних ритуалов и мистерий, и прежде всего — обрядов посвящения (инициации). Работа в этом направлении продолжается по настоящий день, о чём свидетельствует появление новых интересных работ.

В противоположном, как может показаться на первый взгляд, направлении огромный труд был совершён Мирчей Элиаде, опубликовавшим колоссальное количество работ, в том числе — более десятка монографий. Если Пропп рассматривает волшебные сказки как отражение древних обрядов, то Элиаде, напротив, работает с мифами в собственном смысле слова (т.е. со “сказаниями о богах”), рассматривая их в традиционной культуре как образец не только для конструирования ритуала, но и для, условно говоря, “магического” поведения вообще: “так как миф рассказывает о деяниях сверхъестественных существ и о проявлении их могущества, он становится моделью для подражания при любом... проявлении человеческой активности”.

Вслед за Юнгом Элиаде использует понятие архетипа, однако, даёт ему собственное, принципиально отличное от юнговского, определение. Для Элиаде архетип — это не столько устойчивый образ бессознательного, сколько устойчивый мифологический мотив, воспринимаемый в традиционной культуре как “модель для подражания”. Так, например, если Юнг мог бы назвать архетипом образ предначального божества-великана, из тела которого был сотворён мир, то для Элиаде архетипом является само сотворение мира из расчленённого великаньего тела, бесконечно повторяемое в обрядах, сопутствующих “сотворению” жилища или храма. Мы, однако, склонны сохранять за понятием *архетип* исходное, юнговское, значение, а для устойчивых мифологических мотивов применять понятие *мифологема*, как то и принято в большинстве современных исследований.

Теперь же отметим, что вопрос о первичности мифа или обряда является сугубо академическим (и даже возвращает нас к вопросу о первичности курицы или яйца), поскольку внутри самой традиционной культуры он попросту не может быть сформулирован. Учёный этнолог может полагать, что сначала была принесена первая жертва при закладке дома, а потом для её объяснения был придуман миф об Имире, или, наоборот, что сначала был придуман миф, а потом, следуя ему, была принесена первая жертва, но носитель Традиции знает, что *сначала был убит великан Имир*, а уже потом появились и миф, и обряд. И то, и другое воспринимаются в Традиции всего лишь как отражения некоего *перводействия*, совершенного богами. Словами индийских брахман, “*так поступали боги, так теперь поступают люди*” (Taittiriya Brahmana, I.5, 9, 4). Миф же при этом оказывается текстом, содержащим описания этих перводействий или мифологем и, таким образом, становится инструментом, магическим орудием, позволяющим людям следовать дорогам, проложенным богами...

...Наше исследование Поединка-на-Грани близится к своему логическому завершению. Перводействия, совершенные богами, находят отражение на трёх взаимосвязанных уровнях, о которых шла речь выше: в человеческом бессознательном, в мифологии и, наконец, в традиционном ритуале. Архетип или, точнее, мифологема инициатической смерти, перехода через реку Смородину звучит в мифах и сказаниях круга Святого Грааля. Мы уже обратили внимание на то, что рыцари, взыскующие Грааля, как и Иван Быкович, Луг и Килух равно молоды. Противники же их, напротив, как один, стары. Более того, они не просто стары, они — на грани умирания. Чтобы родилось новое, старое должно умереть. В валлийском сказании оговаривается, что, по древнему пророчеству, жить Ысбаддадену — до тех пор, пока не завершится успехом поход в его земли молодого принца.

Принцип посвящения. Собственное прошлое встречает на Мосту Лезвия, на границе Иного Мира взыскующий Грааля. Инициатическую смерть — переход через реку

Сморородину, окружающую остров с Замком Чудес — символизирует Поединок-на-Грани, битва, в которой ищущий убивает самого себя... “Во всех контекстах инициации смерть имеет совсем не то значение, что мы обычно склонны придавать ей. Прежде всего, она означает, что человек ликвидирует своё прошлое [...] чтобы начать снова, возродившись в другом. Таким образом, смерть в инициации никогда не является концом, а является ещё одним началом...”

Там, за гранью Смерти, победивший в битве с самим собой находит Котёл Аннуна, котел перерождения, чтобы испытать из него новую жизнь и вернуться преображённым...

И в заключение этой истории следует вспомнить Посвящение Одина, о котором древние скандинавские тексты говорят значительно откровеннее, нежели сказания Святого Грааля:

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей
пронзённый копьём
посвящённый Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых...*
(Речи Высокого, 138)

Согласно этой легенде, Один пронзил себя копьём, чтобы получить знание рун. Через девять дней другой Один сошёл с Древа Мира — Один, владеющий магией рун, посвящённый...

Так делали боги, теперь так поступают люди. Основной закон мифологии. Перед нами не только рассказ о том, как *делали боги*, но и указание, как *поступать людям*...

Мифы, разумеется, символичны. Одину требуется мужество, чтобы пронзить себя собственным священным копьём. И человек столь же мучительно, столь же неохотно расстаётся со своим старым, вчерашним “я”, вступая в свою битву на своём Калиновом Мосту. Право, это непросто — драться с самим собой за свою жизнь, за своё будущее.

Но на то и есть миф — пример, поданный богами. Когда Луг в битве в долине Туиред выбивает своим копьём смертоносный глаз Балора, тот открывает Лугу, что он — Балор — его прямой предок, его дед. На психоаналитическом уровне мифологии это равнозначно утверждению “Я — это ты”. Лишённое оружия и силы, *старое* взывает: “Смотри, ты убиваешь самого себя!”

И Луг поднимает меч и сносит Балору голову.

ЧАСТЬ II. АРТУР

Хроники и Анналы: Артур летописный

И потому, всё вышеупомянутое рассудив, я уже не мог отрицать, что был такой благородный король именем Артур...

Уильям Кэкстон, из Предисловия
к первому изданию “Смерти Артура”,
Англия, 1485 год

Король Артур. Десятки древних текстов и сотни средневековых и более поздних произведений содержат упоминание этого имени, и именно легенды об Артуре лучше всего известны современному читателю из всей огромной и пёстрой массы кельтских сказаний.

Правда, это уже далеко не тот Артур, о котором пели когда-то кельтские барды. Поэты эпохи рыцарства приложили руку к древним сказаниям, превратив короля бриттов в некий куртуазный символ и едва ли не императора всей Европы. Сколь мало общего имеют средневековые романы об Артуре и его рыцарях с исходными кельтскими сказаниями мы можем видеть на том примере, что центральный символ средневековых произведений артуровского цикла — Круглый Стол — был *придуман* в середине XII века англо-норманнским трубадуром Васом.

Вместе с тем нельзя не отметить, что имя Артура действительно было хорошо известно по всей Европе (и не только западной) ещё до возникновения обширной “рыцарской” литературы о нём и его рыцарях. Известный тому пример — мозаика в соборе Оранто (Италия), изображающая короля Артура в одном ряду с Александром Македонским и библейским Ноем. Мозаика датируется 1165 годом, то есть временем, когда ещё создавались романы Гальфрида Монмутского и Кретьена де Труа. Ещё в XII веке д’Инсулис писал об Артуре:

Кто же не говорит о нём? Он ещё более известен в Азии, чем в Британии, как нас уверяют наши паломники, возвращающиеся из восточных стран. Восток и Запад полны им. Египет и Босфор не молчат. Рим, владыка городов, воспекает его дела. Антиохия, Армения, Палестина прославляют его подвиги...

Корпус письменных источников, которые могут быть использованы нами для изучения артуровской традиции, огромен. Но знакомство с этой традицией, на мой взгляд, лучше начинать не с кельтских сказаний, и не с рыцарских романов Средневековья, а с древних хроник и исторических сочинений — поскольку первый вопрос, который мы задаём себе при столкновении с артурианой, это вопрос об исторической реальности этого короля.

Итак, одним из древнейших исторических и околоисторических сочинений, повествующих о Британии времён Артура (V-VI века) является труд Гильдаса, британский монах, писавший на латыни в середине и второй половине VI века, умершего в 570 году и вскоре после смерти канонизированного. Один из основных его трудов — *De Excidio et Conquestu Britanniae* — “О разорении и завоевании Британии” — посвящён борьбе кельтских племён бриттов и пришлых с континента германцев — саксов. Гильдас описывает — среди прочего — несколько удачных битв, в которых бритты, предводительствуемые Аврелием Амброзием, наносят саксам значительные поражения. Одна из таких побед — битва при Бадоне, произошедшая, по Гильдасу, где-то в интервале с 515 по 520 годы (это первое её упоминание в хрониках).

В абсолютном большинстве более поздних источников битва при Бадоне называется крупнейшей победой короля Артура, сумевшего объединить бриттов для борьбы с захватчиками-саксами. Сам Гильдас Артура не упоминает, но, как пишет А.Д.Михайлов, “текст Гильдаса настолько туманен и противоречив, что остаётся неясным, кто был предводителем кельтов в этой битве. Возможно, и не Аврелий Амброзий”.

Зато Гильдас в связи с успешными боевыми действиями британцев упоминает некоего вождя по имени Урсус (лат. *Ursus*), в котором большинство исследователей справедливо видят или прообраз Артура, или просто его зашифрованное имя — ведь как **ursus** по-латыни, так и Артур по-валлийски означает “медведь”! Не упоминает Артура и следующий по времени британский хронист — Беда Достопочтенный (673-735), главный труд которого — *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* (т.е. “Церковная История Народа Англов”) охватывает период с I века до Р.Х. по начало VIII века от Р.Х.

В чём же дело? Что заставило Гильдаса зашифровать имя Артура, переведя его на латынь, а Беду Достопочтенного — вообще умолчать об этом вожде? Особенно это становится интересным, если обратить внимание на то, что в составленных позднее католических житиях святых артуровского времени (конец V — начало VI вв.), в том числе — и в житии самого Гильдаса — Артур упоминается...

Это очень красноречивые упоминания — католические жития отзываются об Артуре с гневом, указывая, что он не только воевал с саксами, но и разорял монастыри. Видный кельтолог Ж.Маркаль пишет по этому поводу: “во всех этих текстах мы встречаем слова, отражающие ненавистное к нему [к Артуру — А.П.] отношение. Это подтверждает гипотезу о том, что у Артура были натянутые отношения с церковными деятелями его эпохи, что и объясняет молчание Гильдаса и Беды на его счёт”.

Артур появляется в другой валлийской хронике, также написанной на латыни, — в “Анналах Камбрии” (*Annales Cambriae*), создававшейся на протяжении пяти столетий — с середины V до середины X века, хотя дошедшие до нас списки “Анналов” датируются лишь концом XI века. Принято считать, что эта хроника содержит самое раннее историческое свидетельство об Артуре: упоминание в поэме “Гододдин” — это скорее поэзия, нежели историография. Это свидетельство — рассказы о победе Артура над саксами в 518 (иногда эта дата исправляется на 516) году в битве при Баддоне и о его смерти в 539 (537) году в битве при Камлане:

518 (516) г. ...*Битва при Баддоне, во время которой Артур носил на своих плечах крест господина нашего Иисуса Христа, и бритты были победителями.*

539 (537) г. ...*Битва при Камлане, во время которой Артур и Медрауд убили друг друга, и мор наступил в Британии и Ирландии...*

Совсем уже иное — почтительное и восторженное — отношение к Артуру мы видим в *Historia Brittonum* (“История Бриттов”) — латинском тексте, посвящённом истории Британии и её обитателей от появления на острове первых кельтов до VII века. Текст, насколько мы можем судить, составлен около 830 года на основе письменных и фольклорных источников самого разного происхождения. Сохранилось около 40 его списков, представляющих 6 основных вариантов, причём варианты конца VIII века часто приписываются Неннию. Ненний именует Артура военным вождём (лат. *dux bellorum*), приписывает ему многие подвиги и говорит о 12 битвах, выигранных Артуром у саксов:

...*Двенадцатая [битва] произошла на горе Бадон; в ней от руки Артура пало в один день девятьсот шестьдесят вражеских воинов, и поразили их никто иной, как единолично Артур...*

Фактически, мы можем считать, что именно с Ненния, с середины IX века, начинается история литературного уже образа Артура. Если в *Historia Brittonum* Артур ещё *dux bellorum*, военный вождь, то у Гальфрида (XII век) он *Arthurus Rex*, т.е. король Артур, а у Мэлори (XV век) — уже Король Британский, Император Римский, Владетель Аллемании, Франции, Италии и Дании...

Впрочем, если Томас Мэлори и предшествовавшие ему Вас, Кретьен де Труа, Вольфрам фон Эшенбах и другие труверы и трубадуры XII-XIII веков уже совсем ничего общего не имеют с историографией, то труды Уильяма Мальмсберийского и Гальфрида Монмутского, работавших в Британии практически в одно время (начало XII века), создавались, несмотря на некоторые явные ошибки и преувеличения, как сочинения исторические.

Уильям Мальмсберийский, хранитель монастырской библиотеки в Мальмсбери, в 1125 писал об Артуре в своей хронике “История Английских Королей”:

Амброзий, коий из римлян был единственный, оставшийся в живых и воцарившийся на троне после Вортигерны, сокрушил гнусных варваров [т.е. саксов — А.П.] при славной поддержке воинственного Артура. Вот о сём Артуре британцы сложили многие легенды и с любовью рассказывают про него и поныне. Истинно, он был достоин, чтобы подвигам его было воздано должное не в досужих домыслах, но в подлинной истории...

Пятью годами позже появилась *Historia Regum Britanniae* — “История Королей Бриттов” Гальфрида Монмутского. Многие исследователи его творчества отмечают, что Гальфрид был более писателем и поэтом, чем историком; действительно, несколько строк, посвящённые Артуру в “Анналах Камбрии” или в “Истории Бриттов” Ненния,

превращаются у Гальфрида в развёрнутое повествование, имеющее, несомненно, собственную художественную ценность, но мало доказательное историографически. Впрочем, известно, что Гальфрид при написании своей “Истории” пользовался и другими источниками, помимо перечисленных выше — в том числе и текстами, принадлежащими устной кельтской традиции, которые либо не были никогда записаны, либо не сохранились до наших дней. Так, например, сам он упоминал, что одним из его источников служила “очень древняя книга, написанная на бриттском [т.е., в данном контексте, на валлийском — А.П.] языке”...

Так или иначе, но с Гальфридом заканчиваются “Хроники” и “Анналы”, позволяющие нам судить об Артуре как о реальном историческом лице. Однако, остаются ещё и другие источники — фольклор, анналы Римской Империи, данные археологии — источники, без которых нельзя говорить об Артуре в истории Британии и Европы.

Остров Могущества: Британия Тёмных Времён

*...И тысяча шла вслед за тысячью,
и кровью бриттских вождей наполнилась зала,
и гнула надежда...*

Анерин, *Gododdin*, VI век от Р.Х.

Ко временам, к которым традиция относит правление Артура, кельтские племена скоттов и бриттов давно прижились на Британских островах, подарив им своё имя, и только в сочинениях учёных мужей осталась память о том, что некогда острова населяли совсем другие народы.

Как обособленный этнос кельты выделились из общей массы индоевропейских народов приблизительно в начале I тысячелетия до Р.Х.. Их “прародина” находилась, как принято сейчас большинством специалистов, где-то в области верхних течений Дуная и Рейна. Уже к середине тысячелетия они занимали обширнейшие пространства центральной и южной Европы и продолжали осуществлять экспансию во всех направлениях. По самоназванию европейских кельтов — *галлы* — получила своё название огромная европейская страна — Галлия.

В процессе миграции кельты достигли Испании, балто-славянских территорий, владений этрусков. Несомненно, чрезвычайно значительными были культурные связи кельтов и предков современных славян; в определённых регионах взаимное влияние этих народов было настолько большим, что оказывается невозможным однозначно определить этническую принадлежность того или иного народа — примером может служить известное историкам племя норцев (нориков), относимое то к кельтам, то к славянам, или альпийские веныды и соседствующие с ними славянские племена.

Значительно позднее кельты на территории Европы были смяты германскими племенами; культура их оказалась частью уничтоженной, а частью — воспринятой германцами и славянами, языки же — мёртвыми. На настоящее время не сохранилось ни одного живого континентально-европейского кельтского языка. Несколько иная картина наблюдается лишь на Британских островах, ставших последним оплотом кельтов.

Точная дата заселения кельтами Британских островов не установлена; наиболее вероятным выглядит отнесение первого появления здесь кельтских переселенцев с континента к середине I тысячелетия до Р.Х., однако эта дата может оказаться значительно древнее. Выделяется по меньшей мере две-три волны кельтской экспансии, постепенно ассимилировавшие или уничтожавшие туземное население, известное под обобщенным названием “пикты”.

На юге собственно Британии (т.е. главного острова Британского архипелага, названного кельтами *Ynys Cedirn*, т.е. “Остров Могущества”) осели кельты, известные нам

под именем “бритты”; именно они, судя по всему, и дали название островам. Другая волна кельтской экспансии была направлена в Ирландию; кельты, осевшие там, называли себя “гэлами”. Параллельно этому названию в раннее время употреблялось имя “иверны”, а позднее — “скотты”. В дальнейшем имя “скотты” унесли с собой в Шотландию ирландские переселенцы, участники уничтожения последних независимых княжеств пиктов на севере Британии.

С римлянами кельты столкнулись приблизительно тогда же, когда началась их экспансия на Британские острова. В 390 году до Р.Х. галльские племена атаковали Вечный Город и на недолгое время завладели им. В конце II века до Р.Х. Рим начинает собственную экспансию за пределы средиземноморского региона, и уже тогда встречается с сопротивлением кельтов Галлии. К середине следующего I века до Р.Х. Цезарь подчиняет Риму практически все галльские земли, а столетие спустя, в правление бриттского короля Кассваллауна сына Бели, император Клавдий начинает завоевание Британии. “Официальной” датой образования римской провинции *Британия* считается 44 год от Р.Х.

Растущая Империя вела войны с бриттскими островными княжествами в течение нескольких десятилетий, прежде чем Риму удалось подчинить себе большую часть острова. Здесь, в Британии, размещаются три римских легиона: знаменитый II Легион — в Исса Силурум, будущем Каэр Ллеоне (валлийское *Caer Lleon*, искажение от *Caer Legionum*, т.е. “Город Легиона”), XX Легион — на северных границах Уэльса, в Дэва (будущем Честере), и VI Легион — на севере Римской Британии, в Эбораке (будущем Йорке). Для защиты от так и непокорённых скоттов Каледонии (Шотландии) в тридцатых годах II века от Р.Х. воздвигается грандиозная Стена Адриана, протянувшаяся более чем на 50 миль и разделившая остров на две половины — южную, имперскую, и северную, скоттскую. Два десятилетия спустя значительно севернее сооружается второй оборонительный вал — Стена Антонина, проходившая в районе современного Эдинбурга и ставшая самой северной границей Империи.

Вероятно, можно сказать, что Британия процветала в течение нескольких веков римского владычества, вкушающая плоды далёкой средиземноморской цивилизации и защищенная мощью трёх легионов. К концу III века на острове существует как минимум шесть римских городов, несколько десятков укреплённых фортов и сотни vill; сеть знаменитых римских дорог покрывает весь остров, кроме крайнего Запада (королевство Думнония, ныне — п-ов Корнуолл). Однако, сама Империя оказывается не вечной.

К концу IV века в Империи начинаются процессы разложения, которые уже в ближайшем будущем приведут к её падению, процессы, связанные со множеством проблем, как внешних, так и внутренних — политических, культурных, религиозных. Для дальних провинций эти проблемы отзываются ослаблением (а иногда — и потерей) связи с Римом.

Конец Римской Британии связывается с именем Максима Великого, или Максена Вледига, как его называют валлийские тексты. Максим был сенатором Рима и одним из знатнейших людей Империи, по сложным политическим причинам оказавшимся правителем Римской Британии. В 383 году Максим выводит легионы из Британии для войны с императором Феодосием I. С этого времени нога римского воина более не ступала на земли Острова Могущества.

Приблизительно в то же время начинается распад самой Империи, завершившийся со смертью Феодосия в 395 году её развалом на Восточную (Византию) и Западную. Западноевропейские провинции — в том числе и Британия — отходят к Западной Римской Империи, которая оказывается не в состоянии не только защищать свои земли, но даже просто эксплуатировать их. 410 годом от Р.Х. датируется письмо императора Гонория, снимающее протекторат Империи с острова Британия.

На этом заканчивается “древняя история” острова, известная нам по римским источникам, но пройдут ещё века до того, как начнётся история средневековая, сохранённая в валлийских и английских королевских летописях. С выводом римских легионов в

Британии начинается эпоха Тёмных Времён — эпоха жестокая и кровавая, плохо изученная историками, но овеянная легендами...

В Британии, оставшейся без центральной власти Рима, возникают десятки бриттских королевств и княжеств, между которыми не стихают междоусобные войны. С севера, из-за Стены Антонина, прорываются не сдерживаемые более силами VI Легиона скотты и остатки пиктских племён. С запада грабят побережье Уэльса ирландские пираты. На восточном побережье высаживаются первые саксы и англы...

Но именно в это время начинается история короля Артура.

О временах, непосредственно предшествовавших его правлению, повествует нам знаменитая валлийская легенда, использованная Гальфридом Монмутским в его “Истории Королей Британии”. Текст этой легенды мы приведём здесь целиком.

По смерти императора Максена правил в Британии некто Константин, в коем текла кровь знатнейших римлян и королей Арморики. И он был последним правителем, при коем Британия была под властью Рима.

От Константина, умершего неожиданно, осталось три сына: Констант, старший, и ещё двое, совсем мальчики: Аврелий Амброзиус и Утэр. И Констант стал королём бриттов, но был вскоре убит стараниями одного из князей по имени Гвортигирн. И тогда Гвортигирн занял самозванно трон Британии, а малолетние сыновья Константина бежали вместе со своими воспитателями в Арморику, и там приютил их король Будэк, двоюродный брат Аврелия Амброзиуса и Утэра.

И после того правил Гвортигирн, ненавидимый бриттами за убийство Константа и изгнание его братьев, и теснимый воинственными племенами пиктов. Трон его шатался, и корона с трудом держалась на его голове; и тогда, чтобы не потерять власть, призвал Гвортигирн дружину саксов во главе с неким Хенгистом, и те пришли на Остров и принялись чинить разор и погибель бриттам. И сначала служили они призвавшему их Гвортигирну, а после отказались подчиняться ему, и Хенгист объявил себя королём собственного королевства. И стал он призывать всё большие саксов с материка, и одну за другой отвоёвывать у Гвортигирна бриттские земли.

Тем временем Гвортигирн ко всем своим мерзким делам добавил ещё и то, что взял себе в жёны свою дочь, и родил с нею сына. И тогда последние знатные бритты отвернулись от него, и остался он один перед лицом страшных опасностей, грозивших королевству бриттов.

Тогда призвал к себе Гвортигирн множество колдунов, древних седых старцев, и спросил у них, как ему поступить. И те сказали:

— Направься в крайние пределы твоего королевства и построй мощную крепость, в которой сможешь ты защитить себя, ведь саксы, коих поселил ты в своём королевстве, люто ненавидят тебя и коварно с тобой расправятся, а после твоей смерти захватят любимые тобою земли вместе со всем народом твоим.

И Гвортигирн ушёл с колдунами на поиски места для такой крепости. И обойдя многие земли, пришли они в Гвинедд, и там, в горах Эрыри, нашли подходящее место на вершине скалы. Там собрал король множество работников и свёз туда всё потребное для постройки. Но чудесным образом каждую ночь разрушалось всё, что успевали построить за день, и исчезало всё подвезённое на место будущей крепости.

Тогда Гвортигирн вновь призвал к себе колдунов и спросил у них, в чём тут дело. И колдуны, посоветовавшись меж собою, ответили ему так:

— Не будет построена эта крепость, пока не отыщешь ты ребёнка, который никогда не имел отца, и не приведёшь его на эту гору, и не убьёшь здесь, и не окропишь его кровью фундамент.

И вняв их совету, разослал Гвортигирн гонцов по всей Британии, чтобы нашли они такого ребёнка. Обойдя множество земель, добрались гонцы до одного местечка в нижнем течении реки Иск и там услышали, как дети, играя, говорили об одном мальчике,

что нет у него отца. И гонцы нашли этого мальчика и поговорили с его матерью. И та поклялась им, что никогда в жизни не знала она мужчины. Тогда гонцы Гвортигирна взяли с собою мальчика и доставили его пред лицо короля.

И вот, когда привели мальчика на гору, где должна была появиться крепость, и собралась уже толпа, чтобы наблюдать его умерщвление, спросил мальчик у короля Гвортигирна, зачем привели его сюда. И король поведал ему о происходящих здесь чудесах и о пророчестве его колдунов.

Тогда засмеялся мальчик и спросил, повернувшись к колдунам:

— Знаете ли вы, почему происходят эти чудесные вещи?

И колдуны промолчали в ответ, ибо не знали они причины этих чудес.

— Знаете ли вы, что сокрыто в недрах этой горы? — спросил мальчик.

И снова промолчали колдуны Гвортигирна, ибо и это не было им ведомо.

Тогда обратился мальчик к самому королю:

— Государь, — сказал он, — Молчат твои колдуны, но я открою тебе эту тайну. На вершине горы зарыты два чана, а в них — свёрнутые златотканые холсты, и два дракона — красный и белый — спят в тех холстах. Прикажи, о король, разрыть землю на том месте, где хочешь ты построить крепость, и увидишь, что я прав.

И Гвортигирн сделал так, как сказал мальчик; и, разрыв землю на вершине горы, нашли там два чана, и в них — свёрнутые златотканые холсты. И когда развернули их, оказались там два дракона — красный и белый. И поднялись драконы в воздух, и сойдясь вплотную друг с другом, вступили в ожесточённую схватку, бия друг друга страшными когтями и извергая из ноздрей языки пламени. И белый дракон явно был сильнее красного, и уже одолевал его, когда красный вдруг воспрянул, и бросился с неожиданной силой на белого, и победил его.

Тогда попросил Гвортигирн, чтобы мальчик объяснил увиденное ими. И тот сказал:

— Горе дракону красному, ибо близится его унижение. Пещеру его хочет занять дракон белый, олицетворяющий призванных тобою саксов, тогда как красный дракон — исконное племя бриттов, утесняемое белым драконом. Горы Британии сравняются с её долами, и реки в долах её потекут кровью.

Но придёт на подмогу вебрь из Корнубии, и копытами своими растопчет выи иноземцев. Властью своей охранит он лежащие на океане острова, и овладеет галльскими лесами. Деяния его доставят пищу певцам и бардам, и уста народов прославят его доблесть.

И когда стояли все, потрясённые услышанным, спросил король у мальчика, кто он таков.

— Имя моё на языке римлян Мерлин Амброзий, — отвечал мальчик, — для бриттов же я — Мирддин Эмбрэйс Вледиг.

И так сказал мальчик королю:

— Не построить тебе крепости на этом священном месте, и потому ступай отсюда, и обойди многие земли, дабы обрести надёжное обиталище. Ибо близок час сынов Константина!

И с тем ушёл мальчик прочь, никто не мог задержать его. Король же последовал его совету, и ушёл прочь с той горы, и в другом месте построил крепость, названную Каэр Гвортигирн по его имени.

И по прошествии нескольких лет возмужавшие сыновья Константина высадились у берегов Британии с собранным в Арморике войском. И стремителен был путь их по землям бриттов, и везде с радостью принимали их как законных властителей Острова. Придя к стенам Каэр Гвортигирн, взяли они город и сожгли его вместе с нечестивым королём.

И тогда был коронован Аврелий Амброзиус, который мудро и справедливо правил Британией до своей смерти; и при нём бритты сдерживали пиктов на севере и отогнали саксов на восток, к берегам Армориканского моря.

Эта легенда отражает совершенно реальную политическую ситуацию в Британии V века. Нашествие саксов на остров действительно имело грандиозные масштабы и катастрофические последствия для бриттских королевств. В течение нескольких столетий германские племена англов и саксов вели непрерывную войну за земли Британии, постепенно проникая вглубь страны и оттесняя кельтов на побережье Атлантики.

Больше других кельтов от натиска саксов пострадали бритты, лишившиеся большей части своих обширных земель и оттеснённые на полуострова Уэльс и Корнуолл. Война с саксами продолжалась долгие века, и лишь в 1283 году, когда был убит последний бриттский князь, Уэльс окончательно стал частью английского королевства. С того времени начались определённые притеснения кельтской культуры и, в особенности, кельтских языков. В результате уже к XVIII веку в Корнуолле не осталось ни одного кельта, владевшего корнским кельтским; но в Уэльсе язык выжил, не смотря даже на то, что лишь сто лет назад в валлийских школах под страхом жестоких наказаний детям запрещалось говорить на родном языке.

В V — VI веках часть бриттов покинула Уэльс и Корнуолл, надеясь спастись от набегов саксов на землях Арморики — обширного полуострова на побережье современной Франции. Так образовались королевства Малой Британии, названной впоследствии Бретанью. И здесь кельты не смогли сохранить собственную государственность, но бретонский язык, близкий к валлийскому, жив до сих пор и используется в Бретани параллельно французскому.

Гэлам повезло несколько больше. Значительно дольше, чем Уэльс, Шотландия оставалась независимым от Англии королевством; ирландцы же до сих пор сохранили свою независимость, и до сих пор сдерживают на своих границах натиск саксов с востока. Может показаться удивительным, но противостояние Лондона и Дублина в Северной Ирландии — это действительно продолжение войны, начавшейся полтора тысячелетия тому назад...

Впрочем, вернёмся в V век. Согласно легендам, трон верховного короля Британии после смерти Аврелия Амброзиуса занял его младший брат Утэр, ставший отцом Артура. Однако для эпохи Тёмных Времён “трон Британии” — это очень относительное понятие, и нам сложно сейчас судить о том, что же именно досталось историческому юному Артуру в наследство от отца Утэра. Судя по тому, как называют его (Артура) относительно ранние латинские хроники — *dux bellorum*, т.е. “военный вождь”, — мы должны полагать, что по рождению своему Артур был первоначально владельцем одного из многочисленных бриттских княжеств. Упоминания письменных источников позволяют локализовать место его рождения и местонахождение его наследных земель — это юго-запад Британии: либо полуостров Корнуолл, либо южные пределы Уэльса, либо — что более всего вероятно — Летняя Страна, как назывались некогда довольно обширные земли у основания Корнуолла (ныне английские графства Сомерсет и Девон и прилегающие к ним территории).

Мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что Артур не был верховным королём Британии — уже хотя бы потому, что Британию Тёмных Времён вообще вряд ли можно — даже с натяжкой — называть единым королевством. Но вот то, что исторически реальный Артур действительно мог объединить под своей верховной властью многочисленные королевства юго-запада, т.е. Уэльса, Корнуолла и Летней Страны, — это вполне возможно и, более того, вероятно. Нам известно, что во время его жизни (конец V — начало VI веков) бриттам удалось сдержать натиск саксов, скоттов и пиктов с востока и севера, установить довольно чёткую границу своих земель и даже выстроить мощные оборонительные сооружения, подобные быстро терявшим значение римским Стенам Адриана и Антонина. А для всего этого необходима именно единая верховная власть, пусть и не претендующая на гордость и наследные земли мелких владык.

С борьбой бриттов против нашествий с востока и севера связано *древнейшее* и, возможно, одно из самых достоверных упоминаний о нём в древних источниках. Очень часто это свидетельство вообще не рассматривается авторами, пишущими об историческом

Артуре, как не имеющее отношения к собственно историографии; так же и мы не упоминали его в предыдущем разделе, посвящённом обзору британских анналов и хроник.

Речь идёт о великолепной валлийской поэме *Y Gododdin*, созданной в самом конце VI столетия бриттским бардом по имени Анёрин на севере Уэльса или, точнее, на юге Шотландии.

Согласно некоторым данным, Анёрин был братом св. Гильдаса — того самого, перу которого принадлежит одно из древнейших сочинений по истории Британии. Однако, в отличие от своего брата, Анёрин выбрал иную жизненную стезю, прошёл традиционное посвящение в касту бардов и правил Гододдином — одним из многих карликовых “княжеств” Лотиана, обширной бриттской страны между Стенами Антонина и Адриана. Поэма, названная Анёрином по имени родных земель, посвящена последней обороне Стены Антонина, состоявшейся около 578 года. Битва была проиграна, а практически все участвовавшие в ней бритты — погибли. Оставшийся в живых Анёрин запечатлел эти драматические события в своей поэме.

Эта поэма, сама по себе достойная всяческого внимания, здесь нас интересует именно тем, что в ней упоминается Артур — как смелый воин и мудрый правитель своих земель.

Такова в общих чертах историческая картина времён правления Артура. За сим мы оставляем летописи и обращаем своё внимание к месту непосредственного действия артуровских сказаний и легенд — на крайний кельтский Запад, в Страну Лета и прилегающие к ней земли.

Место действия легенды: Летняя Страна

А между тем свидетельства о нём и следы сохраняются [...]: большие камни и чудесные изделия из железа, лежащие в земле, и царственные своды, кои многими из ныне живущих видены были...

Уильям Кэкстон, из Предисловия
к первому изданию “Смерти Артура”,
Англия, 1485 год

Страна Лета — страна, где скорее всего могли находиться наследные земли Артура, — занимает обширную территорию на юго-западе Британии, от южного побережья Бристольского залива до берегов Ла-Манша. Эти земли были довольно хорошо освоены во времена римского владычества, но западнее — ближе к оконечности Корнуолльского полуострова лежали относительно “дикие” места. Фактически, имперское влияние не распространилось западнее форта Иска Думнониорум, на месте которого возник позднее город Эксетер.

Летняя Страна была подчинена Риму действиями II легиона под командованием Веспасиана. Уже в середине I века от Р.Х. были разрушены основные крепости бриттов клана Доротридж: Ход Хилл и Мэйдэн Кастл, несколько десятилетий спустя были уничтожены и укрепления Кэдбери Кастла и Хэм Хилл. Более — до ухода римлян — бриттские крепости в Стране Лета не восстанавливались.

Зато в Тёмные Времена, после того, как II легион покидает Британию, ведомый Максимом, крепости бриттов вновь оживают. Особенно глобальное фортификационное строительство в Стране Лета и её окрестностях начинается после того, как саксы, наводнившие Британию, захватывают Логрию (центральную часть острова) и границы их королевств подходят вплотную к границам Уэльса и Летней Страны. Заново отстраиваются укрепления Кэдбери, Брент Нолл, Баден (Бат Кастл). Создаётся грандиозная укреплённая линия обороны — Вансдэйк, в которую входили такие мощные крепости, как Стантонбери и Мэйз Нолл. Но самым мощным из вновь отстроенных укреплений Летней Страны — это, несомненно, Кэдбери Кастл (Южный Кэбери).

Ещё в XVI на вершине этого колоссального холма, возвышающегося надо всей окружающей сомерсетской равниной были видны фундаменты древних строений; в его окрестностях находили драгоценные ювелирные изделия и монеты эпохи римского владычества. Уже в наше время археологические раскопки, проведённые на холме Кэдбери, подтвердили наличие здесь остатков мощных укреплений эпохи Тёмных Времён.

Замок Кэдбери действительно был гигантским для своего времени и подразумевал, очевидно, властителя соответствующего размаха. “Возможно, над всеми этими вождями возвышался тот, кто правил с высот Южного Кэдбери...” — пишет Р.У.Даннинг в своей работе, посвящённой фольклорным и археологическим изысканиям эпохи Тёмного Времени. Кто же был этим властителем, отстроившим крепость на Кэдберийском холме, инициировавшим сооружение Вансдэйка, сумевшим противостоять натиску саксов с востока?..

Письменные источники молчат по этому поводу — да у нас почти и нет однозначно достоверных источников по истории Тёмных Времён. Однако именно здесь, в Стране Лета, находится большинство из тех мест, у которых произошли знаменитые двенадцать битв Артура. Здесь, неподалёку от Кэдберийского холма, протекает река Кам, и здесь же находятся две деревушки с красноречивыми названиями: Королевский Камел и Южный Камел. Если Камелот, легендарная столица Артура, вообще находилась на юго-западе Британии, то этой столицей был именно замок на вершине Кэдбери, как и говорят о том местные предания...

Как уже отмечалось, для нас очень важно то, что мощное фортификационное строительство в Летней Стране начинается именно в те времена, когда легендарный и исторический Артур приходит к власти. Как отмечает Даннинг, большинство выстроенных тогда крепостей — Бат Кастл, Галлокс Хилл, Брент Нолл, Граббист — обнаруживают по результатам археологических изысканий одну и ту же фортификационную традицию, т.е. были выстроены по единому глобальному замыслу. Единый замысел требовался и для сооружения Вансдэйка. Таким образом, данные археологии приводят нас к выводу о реальности власти некоего Верховного Короля Запада, противостоявшего натиску саксов. И этим Королём, как нам приходится сделать вывод, должен был быть Артур, правивший Страной Лета из мощной цитадели Камелота на вершине Кэдберийского холма.

Значительно западнее, уже собственно в Корнуолле, находился ещё один замок, фигурирующий в легендах артурианы — это Камланн, место последней, роковой, битвы Артура. Ныне это Канбланн; известно и поле, где проходило сражение, и место моста, в поединке на котором был смертельно ранен верховный король. По древней легенде, Артур убил здесь изменника Мордред, приходившегося ему племянником, но и сам получил ранение отравленным клинком. Умиравший Артур был отвезён на остров Аваллон — в место, где нет “ни старости, ни лжи, ни печали”, — где и прибывает до сих пор, ожидая часа, когда наступит крайняя опасность для его страны, чтобы вернуться в наш мир и принять участие в решающей битве...

Эта легенда ведёт нас в следующее место в Летней Стране, непосредственно связанное с Артуром — это аббатство Гластонбери, уже упоминавшееся нами в связи с легендами цикла Святого Грааля. По некоторым версиям, холм Гластонбери, возвышающийся над окрестной болотистой равниной, и есть остров Аваллон, куда был доставлен умирающий Артур. Действительно, в VI веке, когда уровень воды в сомерсетских болотах был значительно выше, Гластонбери действительно был почти островом (особенно в периоды половодий). Более того, само название аббатства — *Glastonbery*, — саксонское по происхождению, означает в дословном переводе “Крепость Стекла” или “Стеклянный Город”, а это один из устойчивых кельтских эпитетов волшебного острова в *Ином Муре* (валл. *Ynys Vytrin*). Однако, принимая такую версию, мы должны будем признать, что Артур всё-таки умер — как бы то ни было, а Гластонбери, в отличие от *настоящего* Аваллона, всё же находится в мире, где *есть* и старость, и ложь, и

печаль — а это было бы явным прегрешением против сакральной Традиции. Другое дело, что Гластонберийский холм — а это место действительно является сакральным центром Страны Лета — может оказаться как бы двойником *настоящего* Острова Стекла, его отражением в нашем мире...

И тем не менее с Гластонбери связана интереснейшая история, которую многие исследователи считают во многом правдивой, и лишь некоторые — фальсификацией. Согласно гластонберийской хронике, принадлежащей перу хрониста Маргэма, около 1191 года в аббатстве скончался монах, незадолго до смерти указавший место на монастырском кладбище, где он хотел бы быть погребён. Просьба его была — разумеется, посмертно, — удовлетворена, однако, когда могильщики начали копать погребальную яму в указанном монахом месте, они наткнулись на гораздо более древнее захоронение. Маргэм описывает, что сначала был обнаружен гроб с останками женщины, под ним — ещё один гроб, но уже с останками мужчины, и, наконец, в самом низу захоронения находился третий, огромный гроб, к которому был прикреплён свинцовый крест с многозначительной надписью: “Здесь лежит прославленный король Артур, погребённый на острове Авалон”. Внутри гроба находились останки мужчины поистине богатырского телосложения. Маргэм пишет, что первый гроб содержал тело “Гвиневеры, жены [...] Артура, во втором находились останки Мордреда, его племянника, в третьей останки вышеуказанного князя”.

Описание обнаружения этого захоронения приводилось ещё четырьмя авторами XII-XIII веков; трое из них — Ральф Коггешельский, Джон Гластонберийский и Адам Домэрхэмский — повторяют практически то же, что говорил Маргэм. Но четвёртое (точнее — уже пятое, вместе с хроникой Маргэма) свидетельство, самое подробное и пространное, отличается во многих важных деталях. Это описание принадлежит перу Гиральда Камбрийского, посетившего аббатство сразу после раскопок 1191 года и так же, как и Маргэм, видевшего всё своими собственными глазами. Приведём некоторые фрагменты его рассказа.

Сейчас всё ещё вспоминают о знаменитом короле бриттов Артуре, память о котором не угасла. [...] О короле Артуре рассказывают всякие сказки, будто тело его было унесено некими духами в какую-то фантастическую страну, хотя смерть его не коснулась. Так вот, тело короля, после появления совершенно чудесных знамений, было в наши дни обнаружено в Гластонбери меж двух каменных пирамид, с незапамятных времён воздвигнутых на кладбище. Найдено тело было глубоко в земле в выдолбленном стволе дуба. Оно было с почестями перенесено в церковь и благоговейно помещено в мраморный саркофаг. Найдены были и оловянный крест, положенный по обычаю надписью вниз под камень. Я видел его и даже потрогал выбитую на нём надпись: “Здесь покоится прославленный король Артур вместе с Гвиневерой, его второй женой, на острове Авалон”. [...] В гробнице тела положены отдельно: две трети гробницы были предназначены для останков короля, а одна треть, у его ног, — для останков жены. Нашли также сохранившиеся светлые волосы, заплетённые в косу; они несомненно принадлежали женщине большой красоты. Один нетерпеливый монах схватил рукой эту косу, и она рассыпалась в прах. [...] Кости Артура, когда их обнаружили, были столь велики, будто сбывались слова поэта: “И богатырским костям подивится в могиле разрытой”. Берцовая кость, поставленная на землю рядом с самым высоким из монахов (аббат показал его мне), оказалась на три пальца больше всей его ноги. Череп был столь велик, что между глазами легко помещалась ладонь. На черепе были заметны следы десяти или даже ещё большего числа ранений. Все они зарубцевались, за исключением одной раны, большей, чем все остальные, оставившей глубокую открытую трещину. Вероятно, эта рана и стала смертельной.

Современные исследователи по-разному относятся к сообщению Гиральда: несомненно, что он ошибается во многих деталях, утверждаемых другими древними

авторами (у Гиральда два захоронения вместо трёх, искажён текст надписи на кресте и т.д.), зато он больше всех остальных говорит о самих останках, и это интересно.

Как бы то ни было, самый факт вскрытия в Гластонбери в конце XII века древнего захоронения сомнению быть подвержен не может. Во-первых свинцовый крест с надписью действительно существовал: во времена Генриха VIII крест видел и держал в руках известный автор того времени Джон Леланд, а в 1607 году рисунок этой реликвии был опубликован антикваром Уильямом Кэдменом. Во-вторых, сами останки реально существовали; в 1278 году, как пишет Адам Домэрхэмский, мраморная рака с этими останками была повторно вскрыта в присутствии короля Эдуарда I и королевы Элеоноры:

...На закате король приказал открыть могилу знаменитого короля Артура. В ней оказались два гроба, украшенные портретами и гербами, и обнаружены порознь кости короля, крупного размера, и кости королевы Гвиневеры, которые были прекрасны...

Погребение в Гластонбери сохранялось как минимум до конца XV века, и было уничтожено, вероятнее всего, в 1539 году при ликвидации аббатства в ходе англиканской реформации. Уже в наше время археологи неоднократно исследовали территорию Гластонберийского аббатства. В 1931 году была найдена каменная гробница Артура и Гвиневеры — увы, пустая; а в 1971 — обнаружена древняя могильная яма, вскрытая не позднее XII века — вероятно, место первоначального захоронения Верховного Короля Летней Страны — Короля Былого и Грядущего...

Король Былого и Грядущего: Спящий Владыка

Vivit et non vivit...

Жив и не жив...

Из латинских средневековых пророчеств о возвращающихся императорах

Король Былого и Грядущего...

Эта фраза известна практически всем, кто так или иначе знаком с артурианской традицией. *Hic jaset Arthurus rex quon dam rexque futurus* — “Здесь лежит Артур, король былого и грядущего” — такова, согласно книге сэра Томаса Мэлори, погребальная надпись на могиле Артура. Он был совсем не прост, этот рыцарь, писавший в заточении свою великую книгу о легендарном короле и его рыцарях, и сумел тонко обойти проблему ухода Артура с исторической сцены...

Мы встречаемся здесь с дуализмом, подобным дуализму, связанному с Гластонбери, которое, с одной стороны, Аваллон, священный остров *Иного Мира*, на котором возвышается *Caer Vytrin*, Стекланный Замок или Замок Чудес кельтской традиции, а с другой — обыкновенный холм посреди сомерсетских болот. Так и Артур — погибший в битве при Камланне и погребённый в Стране Лета, в Гластонбери, но при том унесённый на истинный Аваллон и ожидающий там наступления часа вернуться в наш мир.

Однако многие люди во всех краях земли английской полагают, что король Артур не умер, но был по воле Господа нашего Иисуса перенесён отсюда в другие места; и говорят, что он ещё вернётся и завоюет святой Крест. Я, однако, не стану утверждать, что так будет, вернее скажу: в этом мире он расстался с жизнью...

В этих строках Мэлори сумел не только объединить обе версии конца истории Артура (“вернее скажу: в этом мире он расстался с жизнью”), но и мягко, без лишних уточнений указать на *Иной Мир*: “перенесён отсюда в другие места”...

Впрочем, это ещё не конец истории Верховного Короля.

В графстве Чешир, недалеко от границ Уэльса, возвышается над местностью заросшая лесом гора, называемая сейчас Олдерли Эдж — Олдерлийский Предел. Издревле связываются с этой горою имена чародея Мерлина и короля Артура.

С тех пор, как после битвы при Камланне распалась держава великого кельтского короля, бритты Уэльса всегда помнили, что Артур не умер, но, смертельно раненый, был увезён на священный, недостижимый для простых смертных остров — на настоящий Авалон. И там исцелились его раны, и он вернулся на землю Британии и там ждёт часа явиться вновь, когда наступит крайняя опасность для британской земли.

Рассказывают, что однажды некий крестьянин встретил на склоне Олдерли Эдж странного старика с седой бородой.

— Под тем деревом, из ветвей которого вырезал ты этот посох, — сказал старик, указывая на ореховую палку в руках крестьянина, — находится пещера, в которой спрятаны несметные сокровища.

— Откуда ж здесь сокровища? — удивился крестьянин.

И тогда старик рассказал ему, что спит в пещере король Артур со своей дружиной, крепко спит до того часа, когда снова потребуется его сила и мудрость, чтобы защитить Британию.

— Если ты сумеешь найти то дерево, то войдёшь в пещеру и сможешь взять там столько золота и серебра, сколько унесёшь. Но в проходе там висит большой колокол, смотри же не задень его, ибо тогда проснутся рыцари Артура раньше своего срока.

И сказав так, незнакомец исчез.

Крестьянин же нашёл тот орешник, из ветви которого вырезал себе посох, и у его корней действительно обнаружил вход в пещеру. Забравшись в лаз и протиснувшись мимо колокола, оказался он в просторном зале, и зрелище, открывшееся ему, было прекрасным и дивным.

Лежали в пещере спящие воины, в древних доспехах и при мечах. На изукрашенном троне спал старый король в золотой короне, и на коленях его лежал обнажённый меч. Всё вокруг сверкало драгоценными камнями, и у ног спящего короля возвышались груды золота и серебра.

Не решился крестьянин тронуть здесь ничего, кроме золотых монет. Набив ими карманы, отправился он обратно, но задел ненароком тяжёлый гулкий колокол, и раздался в пещере низкий долгий звук. Тогда очнулся ото сна король на троне и открыл глаза.

— Настал ли День? — спросил он.

— Нет ещё, нет! Спите дальше! — воскликнул перепуганный крестьянин.

Молвил тогда король:

— Хорошо, что сказал ты так. Теперь же уходи отсюда, дабы не пробудились мои воины раньше срока.

И снова погрузился в сон. А крестьянин выбрался из пещеры и никогда больше не смог найти вход в неё.

И говорят, что тем стариком был сам Мерлин, указавший крестьянину пещеру короля Артура, чтобы люди помнили — Артур не умер и ждёт часа вернуться.

И так же не верят бритты, что великий маг Мерлин, которого звали иначе Мирддин Эмрис, умер в том смысле, в каком умирают простые смертные...

Это известная валлийская легенда, хотя Олдерли Эдж — место, о котором идёт речь, — находится уже не в самом Уэльсе, а в Англии, в отрогах Пеннинских гор (близ деревеньки Олдерли). Легенда раскрывает перед нами образ, широко распространённый в средневековых европейских легендах — образ Спящего Владыки, ожидающего своего часа за пределами этого мира. И здесь мы снова сталкиваемся с сакральным содержанием сказаний об Артуре и его рыцарях...

Спящий Владыка, тот, кто ушёл, но вернётся, когда придёт последний час... Этот древний миф рассматривался многими исследователями, находившими у самых разных народов индоевропейской семьи. Я позволю себе процитировать здесь одного из них — Юлиуса Эволу:

“...Легенда о короле Артуре является одной из многих форм общего мифа о невидимом вселенском императоре [...], а также о его проявлениях. Эта тема возникает начиная с самой глубокой древности, и она тесно связана с доктриной “циклических проявлений”, аватар...”

...В индуистской традиции мы сталкиваемся с темой Махакашипы, который спит в горе, но должен проснуться, когда задуют в раковины в момент нового проявления принципа, уже ранее обнаружившего себя в форме Будды...

...Аналогичная иранская традиция повествует о герое Керсаспа, который, будучи раненным [...], пережил в летаргическом состоянии века в окружении ухаживающих за ним женщин-фраварти (подобно тому, как раненый король Артур продолжает жить на острове женщин, владеющих врачебным искусством)...

...Но самой важной формулировкой этого мотива является доктрина Калки-аватары, связанная с историей Парашу-Рама [...] Парашу-Рама не умер, он удалился в аскетическую обитель на вершине горы Махендра где он и живёт вечно. Когда наступят последние времена, в соответствии с циклическими законами проявление в форме сакрального короля, который победит “тёмный век” и который будет носить имя “Калки-аватара”. Калки символически рождается в Шамбхале, чьё имя в индуистской и тибетской традициях обозначает сакральный гиперборейский центр...”

Истинный Король: Повелитель Вселенной

Johannes Presbyter, divina gracia Rex Regum et Dominus Dominacium...

Иоанн Пресвитер, божественной волею Король Королей и Владыка Владык...

Средневековая латинская формула (*Tractatus Pulherrimus* etc.)

Центральный образ только что рассмотренного мотива — Великий Король, Повелитель Вселенной — один из важнейших мифологических архетипов индоевропейской сакральной Традиции. Это — “принцип” сверхчеловека, или даже человеко-бога, равно обладающего мудростью и могуществом. В средневековой Европе принцип сверхчеловека, Повелителя Вселенной, нашёл отражение в знаменитом образе Пресвитера Иоанна, загадочного властителя, чьё царство располагается где-то на Востоке, но власть которого простирается на все страны Земли. *Rex Regum*, т.е. Король Королей, — так называют его средневековые латинские трактаты.

Корпус средневековых сообщений о Пресвитере Иоанне (XII-XVII века) весьма обширен, а “знаменитость” его в Средние Века вполне может сравниться со “знаменитостью” Артура. Среди этих сообщений — и рассказы о путешествиях паломников в страну Иоанна, и своего рода “саги” о его участии в делах европейских государей, и письмо самого Пресвитера, и многое другое. Но нас сейчас интересует прежде всего существование связи между легендами о Пресвитере Иоанне и Граалиадой.

Уже в начале нашего столетия были предприняты попытки доказательства, что Вольфрам фон Эшенбах, и Кретьен де Труа пользовались при создании своих романов некими посвящёнными Иоанну текстами, в том числе, возможно, и несохранившимися до наших дней. Как бы то ни было, Пресвитер Иоанн упоминается уже фон Эшенбахом в качестве “царя царей Индии”; в значительной степени посвящена Иоанну поэма другого немецкого поэта — Альбрехта фон Шарфенберга — “Новый Титурель”. У фон Шарфенберга находим мы ряд любопытнейших деталей в описании страны Иоанна. Прежде всего следует, конечно, иметь в виду, что “географическое” указание на Индию не имеет никакого отношения к географии — это не более чем условное обозначение очень далёкого места. А вот другое указание — на то, что страна эта находится вблизи рая, — уже даёт определённый повод для размышлений. Там, по свидетельству фон Шарфенберга, находится огромная *стеклянная гора*, — как не вспомнить *Ynys Vytrin*, “Стеклянный

Остров/Холм” кельтских сказаний об Ином Мире. Там есть исцеляющий источник и камень *вечной молодости*. Там, наконец, стоит и сам Замок Чудес, где хранится Грааль, и замок этот называется... вращающимся...

На *Ynys Vytrin*, на “Стеклянный Остров”, в *Caer Pedrywan*, в “Замок Четырежды Вращающийся”, лежал, согласно поэме Талесина, путь Артура и его людей, странствующих в поисках Магического Котла. В “Индию”, во вращающийся замок на стеклянной горе — в замок Пресвитера Иоанна — приводят странствующих рыцарей поиски Святого Грааля в романах немецких труверов. Несомненно, это один и тот же миф, уже рассмотренный нами в первой части книги. Однако сейчас он интересует нас с несколько иной стороны. Мы знаем уже, что поиск Святого Грааля — это путь сакрального посвящения. Что же обретает рыцарь, прошедший этот путь?

Немецкие труверы XIII века, сложившие романы о чудесной “индийской” стране, где хранится Святой Грааль, оставили нам важнейшее указание: прошедший путь в Замок Чудес и обретший Грааль становится новым Пресвитером Иоанном, новым Повелителем Мира, Королём Королей. Сверхчеловеком...

Это позволяет нам снова несколько иначе взглянуть на личность короля Артура. Мы уже видели на страницах этой книги двух разных Артуров. Первый — исторический Король Запада, сумевший объединить бриттских князей, отстроить Кэдбери и Вансдейк и сдержат натиск германцев с востока. Второй Артур — мифологический Спящий Владыка, воплощающий, словами Эвола, имперский принцип ариев, и ожидающий часа последней битвы. Как объединить эти образы, столь различные, казалось бы, по своей сути?

Для этого нам придётся вспомнить ещё одного, третьего, Артура — того, о котором говорит Талесин в своей поэме о походе в Аннун за Магическим Котлом (читай — за Граалем), — не западнобриттского короля, и не Повелителя Вселенной, но предводителя команды магов, следующей Тропую Мёртвых...

Какова же могла быть *реальная* судьба Артура, лишь намёки на которую находим мы в древних и средневековых текстах? Можно лишь предполагать, что, рождённый наследником одного из многочисленных “карликовых” бриттских владений на Западе, он вступил на путь магического странствия-поиска, вместе с Талесином и другими магами и бардами Уэльса прошёл этот путь до конца и, выдержав бой со Стражем Моста, обрёл Грааль. Каждого из них посвящение Грааля наделило тем, что тот искал: Талесин стал величайшим из бардов Запада, а Артур — величайшим из его королей. Когда же, говоря словами Мэлори, “в *этом* мире он расстался с жизнью”, имя великого короля вошло в извечный арийский миф о Грядущем Владыке. О вечно уходящем и вечно возвращающемся Короле Былого и Грядущего...

* * *

Говоря о Традиции в целом, нельзя не отметить, что представления о власти вообще, и о власти *Великих Королей* в частности, принадлежали в древнем традиционном обществе отнюдь не к области *profanum*, т.е. мирского, светского, но — к области *sacrum*, священного. В древней Скандинавии, например, считалось что удача похода викингов полностью определяется удачей их хёвдинга, т.е. вождя. В древней Ирландии существовали специальные ритуалы оценки “истинности” будущего верховного короля, поскольку возведение на престол “не-истинного” короля приводило к неурожаю, падежу скота и кровавым междоусобицам.

Великие Короли — властители, создававшие империи и устанавливавшие справедливость, властители, в чьё правление земля плодоносила обильнее обычного, враги не смели приближаться к границам, и никакие эпидемии и природные катастрофы не омрачали жизнь народа, — Великие Короли, подобные Артуру, почитались священными, данными свыше. Согласно Эволе, они воплощали имперскую идею ариев на уровне земной

жизни. Их рождение предсказывалось в пророчествах и сопровождалось великими чудесами, их приход встречался с ликованием, и власть их поддерживалась не только законом и силой, но и могуществом и мудростью, граничившими с могуществом и мудростью богов.

Наряду с Артуром, можем мы вспомнить и ещё несколько властителей прошлого, явно бывших Истинными Королями. Пожалуй, ярчайший пример — верховный король Ирландии Кормак сын Арта, правивший Зелёным Островом около III века от Р.Х. Старинные ирландские рукописи сохранили для нас рассказ о мудрости Истинного Короля, приписываемый самому королю Кормаку. Вот небольшие отрывки из него.

Говорят, пришёл однажды к Кормаку Кайрпре, сын его, и Спросил, каким обычаям следовал великий король в юности. И так отвечал ему Кормак:

*Нетрудно сказать,
Я слушал лес;
Я смотрел на звёзды;
Я избегал тайн;
Я молчал средь толпы;
Я говорил с людьми;
Я был тих на пирах;
Я был яр в бою;
Я был нежен в дружбе...*

*Я не давал обещаний, хоть был богат;
Я не хвастал, хотя был искусен;
Я не говорил зло о том, кого не было рядом;
Я не кричал о плохом, и говорил о добром...
Ибо только так становится юноша мужем и воином.*

*— Отец, — спросил короля Кайрпре, — а каким обычаям следовать мне?
Отвечал Кормак:*

*Нетрудно сказать,
Не смейся над старым, когда ты молод;
И над нищим, когда ты богат;
И над слепым, когда ты зряч;
И над больным, когда ты здоров;
И над тупым, когда ты умён;
И над глупым, когда ты мудр...*

*Не будь слишком умён и не будь слишком глуп;
Не будь слишком уверен в себе, и не будь слишком скромн;
Не будь слишком болтлив, и не будь слишком тих;
Не будь слишком суров, и не будь слишком добр...*

*— Отец, — спросил у короля Кайрпре, — что хорошо для короля?
Отвечал Кормак:*

*Нетрудно сказать,
Твёрдость без злобы;
Настойчивость без спора;*

*Гордость без высокомерия...
Пусть он хранит древние тайны;
Пусть он вершит правосудие;
Пусть он говорит правду;
Пусть он почитает поэтов;
Пусть он спрашивает совета у мудрых;
Пусть он следует словам древних;
Пусть он будет честным с друзьями;
Пусть он будет мужественным с врагами;
Пусть он изучает искусства и языки;
Пусть он не внемлет клевете...
Пусть он будет нежен;
Пусть он будет суров;
Пусть он будет страстен;
Пусть он будет милостив;
Пусть он будет терпим...
Пусть он не терпит ложь, и любит справедливость;
Пусть за столом праздника будет с ним много людей, а за столом совета — мало;.
Пусть он не помнит зла, но хранит добро...
Ибо так узнаются Истинные Короли.*

Обретшие Грааль: Две ипостаси посвящения

*Вижу — по морю скачет сюда,
Невидимый взору людей неразумных,
Всадник, покрытый пеной морской -
Тот, кому не нужен корабль из дерева.
Вот он прискакал, уже он среди нас,
Лишь тот его видит, кто из племени сидов;
Он же в мудрости своей зрит всех живущих...
Из древнеирландской саги “Смерть Кухулина”*

Образы Артура и Кормака — а мы могли бы добавить к ним и других Истинных Королей древности — роднит не только общественный статус и сверхчеловеческие, божественные могущество и мудрость. У всех Истинных Королей есть и другая общая черта: все они — Посвящённые, если понимать под этим обретение Святого Грааля.

О посвящении Кормака рассказывает нам древнеирландская сага “Приключения Кормака в Стране Обетованной”, сложенная в конце I тысячелетия от Р.Х. и сохранившаяся для нас в несколько более поздних списках. Не будем останавливаться здесь на подробном рассмотрении её сюжета, укажем лишь, что в саге Кормак, странствуя, попадает в *Иной Мир*, в Страну Вечной Юности, встречается там со Стражем — Страшным Владыкой (имеющим в данном случае имя Мананнан сын Лера) и обретает волшебную чашу. Таким образом, повесть об обретении Кормаком мудрости и могущества опять-таки представляет собой рассказ о посвящении Святого Грааля.

Было бы, однако, в корне неверным видеть в посвящении Грааля лишь путь Истинных Королей. Мы знаем двух других героев кельтских сказаний, прямо связанных с циклом Грааля, так же, как Артур и Кормак, достигших Замка Чудес и причастившихся Грааля, но не ставших Королями. Это Талесин, странствовавший-в-поиске в команде магов, возглавляемой самим Артуром, и Мерлин, великий маг Артура...

Здесь впервые в *нашем* странствии-поиске — а любое *настоящее* исследование в области сакральной Традиции суть странствие-поиск; мы говорили об этом и ещё к этому

вернёмся — здесь впервые в нашем странствии по просторам Граалиады в полном своём величии появляется загадочная фигура Мерлина. Он, наставник Артура с младенческих лет, не участвовал в его воспетом Талесином походе за чашей Грааля. Однако имеющиеся в нашем распоряжении тексты позволяют однозначно утверждать, что Мерлин прекрасно знал Дорогу на Аваллон, путь через Мост Лезвия. Должны ли мы полагать, что сам Мерлин прошёл этой Дорогой задолго до Артура и потому лишь наставлял будущего Истинного Короля в его странствии-поиске, но не участвовал в нём? Вероятно, да...

Мерлинус Амброзиус (или, правильнее, *Мерлин Амброзий*) — так называет его Гальфрид из Монмута. *Мирддин Эмрис* (или *Эмбрейс*) — в таком виде сохранилось это имя в собственно бриттской традиции. *Эмбрейс* здесь — искажение латинского *Амброзий*, “Бессмертный”, родового римского имени, которое носил также Аврелий Амброзий, старший брат отца Артура, Утэра Пендрагона. Напротив, имя *Мерлин*, фигурирующее в “хронике” Гальфрида и в романах труверов — латинское или ещё более позднее искажение бриттского имени *Мирддин* — имени, принадлежащего одному из кельтских богов — Стражей Моста Лезвия...

В валлийских текстах, имеющих более древние корни, чем рыцарские романы, Мирддин выступает как знаменитый в британских землях бард и пророк. Валлийские Триады называют Мирддина в числе трёх величайших бардов Британии — вместе с Талесином Князем Бардов и другим Мирджином (сыном Мадока Морврана). Согласно валлийским манускриптам, Мирддин Эмрис принадлежал к свите бриттского короля Гвенддолея сына Кейдиавы и потерял рассудок в его битве с Риддерхом Хаэлем при Арвдеридде, после чего скрылся в лесах Шотландии, где в одиночестве и обрёл дар пророчества.

Сюжет о сумасшествии Мерлина и его бегстве дикие леса Севера использовал Гальфрид Монмутский в своей знаменитой поэме *Vita Merlini* (“Жизнь Мерлина”), которая, однако, имела значительно меньший успех, чем более ранний труд этого автора — “История Королей Бриттов”. Не вдаваясь здесь в подробности анализа этого сюжета, укажем лишь, что он *архетипичен* и представляет собой отображение шаманского (магического) посвящения — посвящения, связанного с прохождением Моста Лезвия и достижением *Иного Мира*, где возвышается на чудесном Острове Замок о Четырёх Башнях...

...Из четырёх названных нами только что реальных персонажей кельтской истории, прошедших путём Грааля, — Артур, Кормак, Мирддин и Талесин — двое были великими (*Истинными!*) Королями, и двое других — великими магами и бардами. Мы могли бы добавить к этому списку ещё несколько лиц. Рядом с Мерлином и Талесином по достоинству встал бы Гвидион сын Дон — один из величайших магов Британии, живший за несколько столетий до эпохи Артура, прошедший путём Грааля и участвовавший в *Cad Goddau*, “Битве Деревьев”, разразившейся между этим и *Иным* мирами. Спустя века Талесин сложил о Гвидионе такие строки:

*Гвидион маб Дон — тяжкий труд —
Создал женщину из цветов,
И принёс свиней с Юга,
Хотя у него не было для них хлеба;
Дерзкий странник окованных посохов...*

Рядом с Артуром и Кормаком встал бы Верховный Король Британии Бели, сын короля Маногана, отец королей Ллира и Касваллауна, о котором пять столетий спустя пел тот же Талесин:

*Многokrатно я славлю тебя,
Победитель Бели,
Сын Маногана Короля.
Постой же ты за славу*

Медового Острова Бели...

...В буддийской Традиции есть представление о том, что принцип будды воплощается на земле в одной из двух форм. Так было предсказано при рождении Сиддхартхи: царевич станет либо великим святым, либо великим царём. Собственно *Будда*, т.е. “Пробуждённый”, и *Чакравартин*, “Тот, кто вращает колесо [бытия]”, — вот две формы, в которых проявляет себя принцип бога-человека.

Были ли буддами Мерлин и Гвидион — вопрос, лишённый смысла. Возможно — да, а возможно — и нет. Само понятие *будды* принадлежит иной философско-магической системе, и вряд ли есть резон применять его к северо-западной Традиции, да дело и не в этом. Нам важно увидеть саму дуальность возможного пути человека, обретшего Грааль; дуальность эта отражается в мифологии европейских народов: так, сам Один, верховный бог скандинавского пантеона, выступает перед нами как божественный Князь и как божественный Маг.

Пользуясь терминологией индуистской Тантры — учения, во многом близкого исходной европейской сакральной Традиции, — человек, добравшийся до Грааля, обретает *дивья-бхаву*, свою божественную сущность, что и позволяет ему стать либо Истинным Королём (на каком бы уровне это не происходило), либо Пробуждённым Магом... Славянская Традиция называла этих людей *Дивиями*...

Такова цель и результат Странствия-поиска в архаической сакральной Традиции Европы. Именно этой цели подчинён тот путь, который проходит человек, направляясь туда, не знаю куда, в поисках того, не знаю чего...

Сила, ведущая в *Queste*: два круга магии

Остерегись ступить на этот корабль, если ты не твёрд в вере. Ибо я есмь вера. И потому отступись, если вера твоя нетверда, ибо при недостатке веры не будет тебе помощи...

Смерть Артура (Грааль, V.2)

Вот мы и подошли к тому главному, ради чего и писалась эта книга.

Принципиальным условием странствия-в-поиске сакрального, условием пути к Граалю, является требование идти туда, не знаю куда, чтобы найти то, не знаю что. Мы отчётливо видели это условие и в рыцарских романах (“Вот едет он дремучим лесом, не ведая дороги...”), и в древних мифах, и в народных сказках. Это условие кажется нелепым, но его устойчивость в эпосе и фольклоре заставляет нас полагать, что оно абсолютно осмысленно...

Древняя сакральная Традиция в большинстве случаев не знала сложных построений, свойственных современной “эзотерике”. Напротив, традиционные концепции удивительно просты внешне и бездонно глубоки внутренне. Попробуем прежде всего уловить то, что может скрываться именно во внешней простоте традиционной формулы “пойди туда, не знаю куда”.

Здесь есть два принципиально важных момента, которые, быть может, и не бросаются в глаза, но становятся очевидными, как только облачаются в слова. Итак, во-первых, разыскивающие Грааля отправляются в странствие-поиск, не зная дороги и не представляя даже, что именно они ищут: лишь раз, мельком, является им священная Чаша, чтобы воодушевить их на этот путь. Большинство вставших на Дорогу не доходит до её — конца?... нет, — до её итога. Но кто-то доходит, а значит — вывод первый: существует *что-то*, некая Сила, ведущая в странствии-поиске, выводящая разыскивающего Грааля на Дорогу в Замок Чудес.

Во-вторых, мы видим — и на примерах эпических, и на примерах фольклорных — что далеко не всякий человек вообще может выйти на Дорогу. Так, в сказаниях об Артуре и

Граале только рыцари Круглого Стола, видевшие Грааль в первое его явление в Камелоте, могут отправиться в странствие-поиск. Отсюда следует вывод второй: существует ещё как минимум одно посвящение, предшествующее собственно Посвящению Грааля, полностью раскрывающему божественную сущность человека. Не прошедший этого первого посвящения *заведомо* не сможет достичь Замка Чудес. Очевидно, именно это посвящение и открывает доступ к той Силе, которая ведёт...

Здесь мы первый раз на страницах этой книги касаемся одного из важнейших представлений древней традиционной магии — представления о двух кругах магии и Силе, которая ведёт. Эта концепция неоднократно уже рассматривалась мною в публикациях, и, не желая повторяться, я позволю себе процитировать здесь себя самого.

“Стандартное видение подразумевает деление Традиции на две части, определяемые, в большинстве случаев, как религия и магия. Одни исследователи считают первенствующей частью религию, полагая магию вторичной частью, практическим приложением; другие, напротив, именно магию называют высшей частью Традиции, оставляя собственно религии роль “предварительной подготовки”. Мы же склоняемся к мысли, что обе эти позиции неверны, что в рамках одной Традиции не может существовать отдельной магии и отдельной религии. Действительно, исторические и этнографические данные равно свидетельствуют о том, что, как обращение к богам было естественной частью языческой магии, так и чисто магические практики играли немалую роль в практике религиозной. Таким образом, мы не видим возможности различения в рамках Традиции магии и религии как обособленных компонент, однако полагаем, что сама по себе Традиция действительно дуальна и состоит из двух чётко разграниченных половинок, смутное понимание чего и приводит к попыткам дифференциации магии и религии.

Этими “половинками” являются учение *экзотерическое* (Знание-для-всех) и учение *эзотерическое* (Знание-для посвящённых). Необходимо отметить, что в данном случае под термином “посвящённый” мы отнюдь не понимаем нечто конспирологическое, т.е. лицо, посвящённое в ту или иную тайную организацию, но — человека, переступившего определённый порог в собственном развитии. Вероятно, следует даже говорить не столько о различии между экзо- и эзотерическими учениями, сколько о различиях между *всеми* и человеком, прошедшим определённое посвящение и видящим то, что не видно *всем*.

Это принципиальное различие между *всеми* и *посвящёнными* связано представлением о двух кругах магии, внешнем и внутреннем, которое было введено нами как вербализация существующего в древней европейской магии представления о делении на две большие группы всех магических событий и действий. Мы неоднократно описывали данную концепцию, полагая её одним из фундаментальных принципов древней Традиции Северо-Запада; здесь же мы ограничимся указанием, что пара внешний — внутренний круги магии параллельна кастанедовской паре *тональ* — *нагуаль*, а связанное с традиционным посвящением проникновение во внутренний магический круг представляет собой обретение способности непосредственного ощущения *дхармы*, если пользоваться санскритскими терминами, и *прямое* осознание реальности *Шуддха-таттвы*, сверхсознательной области”.

Да, разумеется, это определение весьма туманно. Но это естественно — ведь мы пытаемся вербализовать “то, не знаю что”... Попробуем, однако, проиллюстрировать представление о внутреннем круге на простом примере. Если читатель эти строки не абсолютно далёк от магии в любых её проявлениях, пусть он задаст себе вопрос — что побуждает его практиковать то, что он практикует? Любой ответ типа “стремления к самосовершенствованию” (или к могуществу, к самоутверждению, к самореализации, к счастью) будет всего лишь ментальной установкой, на которой базируется искусственная вера и соответствующая ей виртуальная реальность внутренней игры, — игры с самим собой. Единственный честный ответ, который может быть дан, — это: “Внутри меня есть нечто, что побуждает меня следовать этому пути”. Разница очевидна, и “нечто”,

существующее, но не допускающее анализа, и есть то, что находится во внутреннем круге магии.

Это нечто подобно негромкой музыке. Древние европейские сказки так и описывают магию внутреннего круга: “То была прекрасная музыка; в ней спокойная радость и светлая печаль, шум моря и перезвон колокольников, и зов в дорогу... То была музыка, исполненная чем-то огромным, и потому — негромкая; музыка, смутно знакомая, тревожно зовущая вспомнить нечто. То была музыка, обещающая столь многое: шум ветра в верхушках сосен и запах моря, рваные полотнища дождя над озёрной гладью и узкие лесные тропы... То была музыка, беспощадно вырывающая сердце из груди и уносящая его вперёд, так что тебе остаётся только следовать за ним, — то была музыка Дороги. Услышавший её оставался с ней навсегда...”

Внутренней магией обладает каждый человек, и каждому, думается, доводилось переживать эмоции, происходящие из этого круга, например, — стремительную и неясную тоску по чему-то светлому и радостному. Внутреннему же кругу принадлежит одно из самых необходимых магу качеств — умение чувствовать Дорогу, на которой всё складывается одно к одному и подталкивает вперёд, на которой каждый шаг приносит ощущение правильности и необходимости происходящего. Отсюда ещё одно традиционное название Силы, заключённой во внутреннем круге магии и ассоциирующейся в Традиции с образом потока, текущей воды, — *То, что ведёт...*

В сакральной Традиции нордов — а мы понимаем под нордическими все те народы, что обособились некогда из северной и центральной древнеевропейских этнических групп, — в сакральной Традиции нордов есть центральный символ, объединяющий, с одной стороны, все школы европейского язычества и резко отделяющий их, с другой стороны, от южных, авраамических “религий откровения”. Это — символ Дороги. Можно понимать её и как путь к богам, но гораздо более важен другой смысл этого символа...

Нордическая Традиция зеркально обратна авраамическим религиям, равно как и тому, что почитается сейчас в Европе “магией” или “эзотерикой”. В представлениях авраамических религий человек изначально греховен по своей сути, и его жизненный путь — лишь попытка освобождения. Традиция же полагает человека изначально божественным — “Это ваш бог вас за рабов держит, а мы нашим богам — дети”, как ответил один из западнославянских князей христианскому миссионеру, попытавшемуся именовать свободных людей рабами божьими. В представлениях современного оккультизма процесс становления мага — это обретение — извне! — знаний и накопление магической силы. Напротив, в Традиции магия — это лишь Дорога к тому Знанию и к той Силе, что изначально заключены в человеке. Это — Дорога во внутренний магический круг, а затем и к его сакральному центру — к Замку Грааля...

Да, внутренним кругом магии обладает каждый человек. Но для того чтобы получить туда доступ, чтобы научиться *следовать Силе*, которая ведёт, требует явление самого Грааля... Первое посвящение.